УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
18 июня 2025 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2025)

(с изменениями, внесенными Президиумом 19 ноября 2025 г.)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Защита права собственности и других вещных прав

1. Недействительность сделки, на основании которой передано имущество, сама по себе не свидетельствует о том, что имущество выбыло из владения собственника помимо его воли, и не является достаточным основанием для истребования этого имущества у последующего приобретателя, добросовестность которого предполагается, пока не доказано обратное.

Финансовый управляющий гражданина-должника П. обратился в суд с иском к В., И. об истребовании имущества из чужого незаконного владения, ссылаясь на то, что в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) П. постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции от 27 августа 2021 г. признаны недействительными договоры купли-продажи двух нежилых помещений от 10 декабря 2018 г., заключенные между П. и М., в качестве последствий недействительности сделки с М. в пользу П. взысканы денежные средства в размере 2 602 526,60 руб. (рыночная стоимость спорных объектов недвижимости), однако данное постановление в части взыскания денежных средств не исполнено.

Определением арбитражного суда от 6 августа 2019 г. в отношении П. возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве), решением арбитражного суда от 26 февраля 2020 г. она признана банкротом, введена процедура реализации имущества.

Поскольку на момент предъявления иска собственником названных нежилых помещений в результате ряда последующих сделок являлся И., финансовый управляющий просил истребовать у него эти нежилые помещения.

Удовлетворяя исковые требования финансового управляющего, суд первой инстанции исходил из того, что действия И., связанные

с приобретением имущества по договору купли-продажи от 5 мая 2021 г., нельзя признать добросовестными из-за явного несоответствия цены сделки кадастровой стоимости нежилых помещений. С такими выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала содержащиеся в обжалуемых судебных постановлениях выводы о наличии оснований для удовлетворения виндикационного иска финансового управляющего незаконными.

В силу статьи 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

Пунктом 1 статьи 302 ГК РФ установлено, что, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из владения иным путем помимо их воли.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 39 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения независимо от возражений ответчика о том, что он является добросовестным приобретателем, если докажет факт выбытия из его владения или владения лица, которому оно было передано собственником, помимо их воли. Недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли. Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что при рассмотрении иска собственника об истребовании принадлежащего ему имущества из незаконного владения лица, к которому это имущество перешло на основании возмездной сделки, юридически значимыми и подлежащими судебной оценке обстоятельствами являются наличие либо отсутствие воли собственника на выбытие имущества из его владения, а также соответствие либо несоответствие поведения приобретателя имущества требованиям добросовестности. При этом направленность действий продавца на то, чтобы вывести имущество из конкурсной массы и не допустить обращения на него взыскания, сама по себе не свидетельствует о недобросовестности последующего приобретателя, если тот не знал и не мог знать о банкротстве правоотчуждателя.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) П. судами установлено, что спорные нежилые помещения реализованы ею на основании сделки, в целях вывода имущества, на которое могло быть обращено взыскание. Таким образом, не имеется оснований считать, что данное имущество выбыло из владения П. не по воле самого собственника.

Абзацем третьим пункта 6 статьи 8^1 ГК РФ предусмотрено, что приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (статьи 234 и 302), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него.

По смыслу названной нормы и статьи 10 ГК РФ предполагается добросовестность участника гражданского оборота, полагавшегося при приобретении недвижимого имущества на данные ЕГРН.

Как установили суды, на момент приобретения И. нежилых помещений по договору купли-продажи от 5 мая 2021 г. у В., право собственности которого зарегистрировано в декабре 2019 года, в ЕГРН отсутствовали отметки о судебных спорах или возражениях в отношении данного имущества.

Считая И. недобросовестным, суд сослался на указание в договоре купли-продажи цены имущества, отличной от реальной стоимости, уплаченной В. за приобретаемые объекты недвижимости, вследствие чего И. должен был принять дополнительные меры для проверки обстоятельств, при которых В. продал спорные помещения.

В то же время истцом в материалы дела представлена расписка продавца, согласно которой имущество приобретено по цене выше, чем указано в договоре купли-продажи, а также учтены доводы И. о том, что он узнал о продаже спорных помещений на интернет-сервисе «Авито», ранее с продавцом В. знаком не был. При проверке документов с привлечением нотариуса суд установил, что В. приобрел помещения у гражданина М., что следовало из договора купли-продажи от 10 декабря 2019 г. и выписки из ЕГРП, согласно которой В. владел недвижимым имуществом, купленным у М., почти 2 года, то есть оно не перепродавалось в экстренном порядке, это была обычная гражданско-правовая сделка. Никаких сведений о П. и ее правах на приобретаемое И. имущество в этих документах указано не было.

С учетом изложенного вопрос о добросовестности ответчика (покупателя) И. не мог быть правильно разрешен до выяснения всей совокупности обстоятельств, относящихся к заключению им договора купли-продажи, в том числе касающихся подыскания продавца, проведения с ним переговоров, осмотра имущества, наличия или отсутствия у покупателей сведений о притязаниях третьих лиц в отношении данного имущества.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные

постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 41-КГ23-65-К4

2. При оценке добросовестности приобретателя заложенного имущества суду следует проверять, имелась ли у него возможность получить сведения о залоге этого имущества при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него в данном случае.

Банк предъявил иск к З. об обращении взыскания на заложенное имущество.

Судом установлено, что 27 марта 2014 г. между банком и К. заключен кредитный договор о предоставлении заемщику денежных средств, исполнение обязательств по которому обеспечено залогом автомобиля. Уведомление о возникновении залога движимого имущества с указанием на залогодателя К. зарегистрировано на сайте Федеральной нотариальной палаты 3 марта 2015 г.

Решением суда от 24 апреля 2017 г. с К. в пользу банка взыскана задолженность по кредитному договору от 27 марта 2014 г. и обращено взыскание на указанный автомобиль. В ходе рассмотрения данного дела судом установлено, что 23 августа 2016 г. указанный автомобиль снят с регистрационного учета в связи с прекращением права собственности К. и поставлен на регистрационный учет на имя Л. 7 октября 2017 г. автомобиль был перерегистрирован на имя Е.

6 марта 2018 г. В. приобрел данный автомобиль у Е., перерегистрацию в ГИБДД не производил, перед оформлением сделки запрашивал сведения об ограничениях в ГИБДД.

4 августа 2018 г. собственником автомобиля на основании договора, заключенного 3 августа 2018 г. в простой письменной форме с В., стала З.

Из копии паспорта спорного транспортного средства следует, что собственниками транспортного средства последовательно указаны: К., Л., Е., В., З.

Отказывая банку в удовлетворении требований об обращении взыскания на заложенное имущество, суд первой инстанции исходил из того, что на момент приобретения З. спорного автомобиля на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты www.reestr-zalogov.ru при указании поиска по параметрам «VIN/PIN, шасси, рама» сведения о залоге данного автомобиля отсутствовали, в связи с чем ответчик был убежден в отсутствии правопритязаний на приобретаемое транспортное средство.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что судом первой инстанции неправильно применены положения статьи 352 ГК РФ и не учтено, что З. обратилась с запросом сведений о залоге по информации

о залогодателе только после обращения банка в суд, при этом информация о залоге при указании поиска по названным выше параметрам (VIN/PIN, шасси, рама) стала доступна по уведомлениям, зарегистрированным после 12 марта 2019 г., в связи с чем оснований для признания добросовестности приобретения предмета залога ответчиком не имелось.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений об удовлетворении иска об обращении взыскания на заложенное имущество и отказе в признании добросовестности приобретения предмета залога, отметила следующее.

Из положений пункта 1 статьи 353 ГК РФ следует, что в случае перехода прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате возмездного или безвозмездного отчуждения этого имущества (за исключением случаев, указанных в подпункте 2 пункта 1 статьи 352 и статье 357 данного кодекса) либо в порядке универсального правопреемства залог сохраняется. В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 352 ГК РФ залог прекращается, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога.

Следовательно, при переходе по возмездной сделке права собственности на заложенное имущество от залогодателя к добросовестному приобретателю залог прекращается в силу закона. Такое имущество лишается признаков предмета залога, в том числе и в случае внесения его в дальнейшем в реестр уведомлений о залоге движимого имущества Федеральной нотариальной палаты, а последующие приобретатели такого имущества не несут обязанностей залогодателя, независимо от их осведомленности о том, что ранее в момент отчуждения имущества добросовестному приобретателю оно было заложено.

Суды апелляционной и кассационной инстанций, разрешая спор об обращении взыскания на заложенное имущество, неправильно истолковали положения подпункта 2 пункта 1 статьи 352 ГК РФ, в связи с чем незаконно оставили без внимания и оценки доводы ответчика З. о том, что она является добросовестным приобретателем, поскольку не знала и не могла знать, что автомобиль являлся предметом залога, ввиду отсутствия возможности на момент совершения указанной сделки получить сведения о залоге в реестре.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для правильного разрешения спора, поскольку приобретение заложенного имущества лицом, которое на момент его приобретения не знало и не могло знать об этом залоге, прекращает залог в силу закона, а последующее внесение залогодержателем надлежащих сведений о залоге в публичный реестр не является основанием для восстановления прекращенного залога.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 60-КГ23-3-К9

3. Несовершеннолетнего наследника нельзя признать фактически принявшим наследство без учета поведения его законного представителя и мнения органа опеки и попечительства.

Банк обратился в суд с иском к Ю., В.В. в лице ее законного представителя − Ю., администрации города, администрации района о взыскании задолженности по кредитному договору за счет наследственного имущества, указав, что 25 марта 2013 г. между банком и В. (заемщик, наследодатель) заключен договор на предоставление возобновляемой кредитной линии посредством выдачи кредитной карты. 19 января 2021 г. банку стало известно, что 8 апреля 2018 г. заемщик умер, на дату его смерти обязательство не исполнено, в связи с чем образовавшуюся на 24 февраля 2021 г. задолженность просил взыскать с наследников.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статей 307, 309, 310, 819 и 1175 ГК РФ, с учетом установленных по делу обстоятельств пришел к выводу, что наследство В. никто из наследников не принял, доказательств перехода в собственность муниципального образования выморочного имущества в виде 1/2 доли в праве собственности на квартиру не представлено.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение о частичном удовлетворении иска банка и взыскании суммы задолженности с В.В. в лице ее законного представителя − Ю., суд апелляционной инстанции исходил из отсутствия в материалах наследственного дела сведений о том, что отказ Ю. в интересах несовершеннолетней дочери от наследства совершен с разрешения органов опеки и попечительства и принят нотариусом, и из того, что материалы дела содержат доказательства совершения В.В. действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, в связи с чем она должна отвечать по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ней наследственного имущества. Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Согласно статье 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

В соответствии со статьей 1152 названного кодекса для приобретения наследства наследник должен его принять. Для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется (пункт 1).

Статья 1153 ГК РФ определяет способы принятия наследства: путем подачи наследником нотариусу заявления о принятии наследства (о выдаче свидетельства о праве на наследство) либо осуществления наследником действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1157 данного кодекса наследник вправе отказаться от наследства в течение срока, установленного для принятия наследства (статья 1154 ГК РФ), в том числе в случае, когда он уже принял наследство.

Отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или взят обратно (пункт 3 статьи 1157 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 1 статьи 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно (статья 323). Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

В пункте 60 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что ответственность по долгам наследодателя несут все принявшие наследство наследники независимо от основания наследования и способа принятия наследства, а также Российская Федерация, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург или муниципальные образования, в собственность которых переходит выморочное имущество в порядке наследования по закону. Принявшие наследство наследники должника становятся солидарными должниками (статья 323 ГК РФ) в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Наследники, совершившие действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости всего причитающегося им наследственного имущества.

В судебных заседаниях Ю. представляла доказательства, подтверждающие отсутствие намерения принять наследство в пользу ее несовершеннолетней дочери, а именно письменное обращение к нотариусу, датированное 8 октября 2018 г., с соответствующим заявлением в интересах несовершеннолетней дочери об отказе от принятия наследства, а также полученное в пределах установленного законом срока согласие органа опеки и попечительства на оформление отказа от принятия наследства от имени несовершеннолетней, также датированное 8 октября 2018 г. Однако суд принял во внимание ответ нотариуса о том, что заявление зарегистрировано ею 17 октября 2018 г., кроме того, суд сделал вывод о фактическом принятии наследства несовершеннолетней, поскольку мать несовершеннолетней является собственником 1/2 доли спорной квартиры, что свидетельствует в том числе о принятии наследства несовершеннолетней и о том, что это

является достаточным основанием для возложения на нее ответственности по долгам наследодателя.

Данные выводы сделаны без учета всех юридически значимых обстоятельств и при неправильном толковании норм материального права, регулирующих спорные правоотношения.

Пунктом 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г., провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Согласно пункту 3 статьи 60 СК РФ ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка.

Право ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется статьями 26 и 28 ГК РФ.

При осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (статья 37 ГК РФ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 37 ГК РФ опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель − давать согласие на совершение сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других действий, влекущих уменьшение имущества подопечного.

Пунктом 4 статьи 1157 ГК РФ предусмотрено, что отказ от наследства в случае, когда наследником является несовершеннолетний, недееспособный или ограниченно дееспособный гражданин, допускается с предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

По смыслу приведенных выше норм законодатель, устанавливая получение обязательного согласия органа опеки и попечительства на совершение действий по отказу от наследства в случае, когда наследником является несовершеннолетний, исходит из принципа соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего с целью не допустить ухудшение его положения.

Кроме того, по общему правилу, установленному законодательством об опеке и попечительстве, все сделки с имуществом несовершеннолетних совершаются к их выгоде.

Как видно из материалов дела, судом были проигнорированы доводы Ю. о том, что интересам ребенка не отвечало принятие наследства ввиду множественных долговых обязательств наследодателя перед кредитными учреждениями. Орган опеки и попечительства, рассмотрев заявление Ю., согласился с ее доводами и дал согласие на отказ от наследства. Данное заключение не оспорено и не отменено.

Между тем суд апелляционной инстанции ошибочно связал действия законного представителя несовершеннолетней в отношении владения и пользования спорной квартирой, оценив их как действия по фактическому принятию наследства несовершеннолетней, которая в силу возраста самостоятельно не имеет возможности реализовать права в собственных интересах (как по фактическому принятию наследства, так и по отказу от его принятия), не принял во внимание поданное нотариусу письменное заявление об отказе от принятия наследства.

Как следует из материалов дела, имеются иные вступившие в законную силу решения судов о взыскании кредитной задолженности наследодателя В. с наследников, которыми суды установили, что Ю. и ее дочь В.В. отказались от наследства, открывшегося после смерти В., других наследников у последнего не установлено. Суды признали наследственное имущество В. выморочным, а местную администрацию в силу статьи 1151 ГК РФ осуществляющей правомочия собственника в отношении выморочного имущества в виде 1/2 доли спорной квартиры.

Однако эти обстоятельства правовой оценки суда не получили.

Определение № 41-КГ24-4-К4

4. Семейным законодательством установлена презумпция возникновения режима совместной собственности супругов на приобретенное в период брака имущество независимо от того, на чье имя оно оформлено.

И. обратилась в суд с иском к С. о разделе приобретенного в период брака сторон имущества: земельного участка и находящихся на нем жилого дома, летней кухни, гаража и навеса; 100 % долей в уставных капиталах двух обществ; денежных средств, полученных С. в виде возврата займов, процентов за пользование займами и дивидендов; денежных средств, поступивших на банковские счета на имя С. в рублях и иностранной валюте, полученных С. наличными деньгами в результате операций по обмену валют, установив на указанное имущество режим раздельной собственности и признав за каждым из супругов право собственности на имущество, определенное в соответствии с предложенным истцом вариантом раздела.

С. подал встречный иск к И. об исключении указанного им имущества и денежных средств из общего имущества супругов, сославшись на то, что семейные отношения между сторонами прекращены в феврале 2014 года,

а права на приведенные во встречном исковом заявлении денежные средства были приобретены им после указанного момента, кроме того, И. не вкладывала свои денежные средства в приобретение долей в уставных капиталах обществ и их развитие, какого-либо участия в деятельности обществ, в том числе и посредством личного труда, не принимала, в период брака не работала, после достижения детьми сторон совершеннолетия у И. отсутствовали уважительные причины неполучения самостоятельного дохода.

Разрешая спор, суд первой инстанции, посчитав доказанным факт прекращения семейных отношений между супругами И. и С. в феврале 2014 года, пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения исковых требований И. лишь в части раздела земельного участка и возведенного на нем жилого дома, как совместно нажитого в браке с С. имущества.

Отказывая в удовлетворении остальной части первоначальных исковых требований и удовлетворяя встречные исковые требования в части признания 100 % долей в уставных капиталах обществ личной собственностью С., суд исходил из того, что спорные доли в уставных капиталах обществ были приобретены С. за счет денежных средств, полученных им по договорам займа от 1 июля 2013 г. и 1 сентября 2014 г. и являвшихся с учетом позиции И., заявлявшей, что она не имеет отношения к указанным долговым обязательствам и возражает против их раздела, а также отказа С. от исковых требований о признании данных обязательств общими супружескими, личными денежными средствами С.

Кроме того, суд указал, что часть долей в уставных капиталах обществ приобретена С. после прекращения семейных отношений между супругами, и существенное правовое значение имеет тот факт, что на протяжении всего нахождения в браке И. не работала, доказательств, подтверждающих, что с момента достижения детьми совершеннолетия у нее имелась уважительная причина отсутствия самостоятельного дохода, не представила.

Отказывая в удовлетворении первоначальных исковых требований в части раздела денежных средств, имевшихся в период брака на банковских счетах С., денежных средств, переданных им по договорам займа, суд сослался на то, что испрашиваемые И. к разделу денежные средства, заявленные в рублях и иностранной валюте, на момент предъявления иска и разрешения спора на расчетных счетах С. уже не находились.

Суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции оставили решение суда без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении норм права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

Законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности (пункт 1 статьи 33 СК РФ). В соответствии с положениями пунктов 1, 2 статьи 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и др.). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Однако имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью (пункт 1 статьи 36 СК РФ).

В силу пункта 3 статьи 34 СК РФ право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода. Согласно пункту 1 статьи 39 СК РФ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. Общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям (пункт 3 данной статьи).

Судом не принято во внимание, что семейным законодательством (статьи 33, 34 СК РФ) установлена презумпция возникновения режима совместной собственности супругов на приобретенное в период брака имущество независимо от того, на чье имя оно оформлено. Обязанность доказать обратное и подтвердить факт приобретения имущества в период брака за счет личных денежных средств возложена на супруга, претендующего на признание имущества его личной собственностью.

Делая вывод, что доли в уставных капиталах обществ являются личным имуществом С., суд исходил из факта их приобретения ответчиком по первоначальному иску на его личные денежные средства, являющиеся таковыми в связи с получением их по заемным обязательствам, возникшим в период брака сторон, но признанным судом при рассмотрении данного дела личными долговыми обязательствами С.

Вместе с тем судом не было учтено, что семейное законодательство пунктом 2 статьи 45 СК РФ ставит возможность признания долговых обязательств одного из супругов общими супружескими обязательствами в зависимость от установления обстоятельств, связанных с направлением всего, полученного по таким обязательствам, на нужды семьи.

Обратного положения, позволяющего суду при отсутствии оснований, предусмотренных положениями статьи 36 СК РФ, отказать в признании имущества, перечисленного в статье 34 этого кодекса, совместно нажитым имуществом сторон по мотиву неучтенности при его разделе общих долгов супругов, вопреки суждениям суда, закон не содержит.

При этом таких оснований, по которым полученные С. в период брака с И. заемные денежные средства могли быть отнесены к личным денежным средствам одного из супругов и бремя доказывания наличия которых в силу закона должно было быть возложено судом на супруга, претендующего на признание имущества его личной собственностью, судом в нарушение положений части 2 статьи 56 ГПК РФ, установлено не было.

Более того, придавая при разрешении вопроса о признании нажитого в период брака с И. имущества личным имуществом С. существенное значение отсутствию у И. самостоятельного дохода, в том числе после достижения детьми сторон совершеннолетия, суд фактически проигнорировал требования пункта 3 статьи 34 СК РФ, не допускающего умаление прав супруга, в период брака осуществлявшего ведение домашнего хозяйства, на общее супружеское имущество.

В силу пункта 4 статьи 38 СК РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд в соответствии с пунктом 4 статьи 38 СК РФ может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства.

Отказ суда в удовлетворении исковых требований И. о разделе денежных средств, имевшихся на банковских счетах С., в связи с их отсутствием на момент подачи искового заявления и рассмотрения дела с учетом вывода суда о прекращении фактических семейных отношений сторон до обращения И. с иском в суд приведенным требованиям закона и разъяснениям по его применению не отвечает. По данному делу юридически значимым и подлежащим доказыванию обстоятельством являлось выяснение вопроса о сумме находившихся на банковских счетах супруга денежных средств к моменту фактического прекращения семейных отношений

и ведения общего хозяйства. Между тем данное обстоятельство, имеющее существенное значение для правильного разрешения спора, суд оставил без установления и правовой оценки.

Определение № 18-КГ23-221-К4

Защита права на возмещение вреда

5. По смыслу статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации строительство автомобильной дороги может быть признано деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих.

Невозможность точного определения степени влияния одной из совокупных причин на возникновение ущерба и точного расчета убытков не является основанием для лишения потерпевшего права на возмещение ущерба, размер которого в таком случае определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов разумности и соразмерности.

К. обратилась в суд с иском к ГКУ «Главтатдортранс» о возмещении ущерба и компенсации морального вреда, указав, что является собственником земельного участка и расположенного на нем жилого дома в г. Казани. В результате строительства автомобильной дороги жилому дому К. причинен вред: произошла деформация стен, образовались трещины, возникли разломы кирпича, сдвижка кирпичной кладки, повреждение основания фундамента дома, что привело жилое помещение в непригодное для проживания состояние, в связи с чем истец как собственник жилого дома ограничена в его пользовании, поскольку не исключается обрушение части стены дома. Кроме того, в жилом доме отмечаются повышенный уровень шума и вибрация, в связи с чем у истца нарушился сон и начались головные боли.

Определением суда по ходатайству представителя истца по делу назначена судебная экспертиза, производство которой поручено ООО «Институт строительно-технической экспертизы».

Согласно заключению эксперта фактическое несоответствие конструктивного элемента (стены) жилого дома обязательным строительным нормам и правилам в связи с фактическим отсутствием требуемого армирования лицевого и основного слоев в плоскости стен и гибких связей, вертикальных диафрагм, а также отсутствием гидроизоляционного слоя выше уровня тротуара или верха отмостки явилось причиной возникновения выявленных дефектов, которые, в свою очередь, являются следствием совокупности воздействий. Совокупность воздействий выражается в виде совместного и попеременного воздействия вибрационных нагрузок, связанных с работами по строительству автомобильной дороги, и сил морозного пучения, не связанных с этими работами. Прямая причинно-следственная связь между выявленными дефектами и работами

по строительству автомобильной дороги отсутствует, воздействия в виде вибрационных нагрузок явились катализатором процессов, возникающих при выявленных несоответствиях конструктивных элементов.

По результатам анализа документации, предоставленной в составе материалов дела, и данных, полученных в процессе натурного осмотра, экспертом установлено отсутствие прямой причинно-следственной связи появления дефектов с работами по строительству автомобильной дороги и указано, что стоимость восстановительных работ дома не подлежит расчету.

Не согласившись с выводами судебной экспертизы, истец произвел дополнительное обследование, в том числе с выемкой отдельных кирпичей из стены с целью визуального осмотра, в результате чего стали видны армировочные сетки на кирпичной кладке.

В целях устранения противоречий в судебное заседание был вызван эксперт, который пояснил, что в ходе проведения судебной экспертизы осуществлен визуальный осмотр трещин в кирпичной кладке стен дома, в которых следы армирования не просматривались. Для более детального исследования требуется разбор части кирпичной кладки.

Определением суда назначена дополнительная экспертиза с производством необходимых действий по разбору элементов, от проведения данных действий истец отказался.

Разрешая спор и отказывая в иске, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что кирпичная кладка индивидуального жилого дома выполнена с нарушениями действующих строительных норм и правил, повлекшими образование в ней трещин под совокупным воздействием внешних факторов, в связи с чем основания для возложения ответственности за причиненный истцу ущерб на ГКУ «Главтатдортранс», по мнению суда, отсутствуют. Решение суда первой инстанции оставлено без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, признала их вынесенными с существенным нарушением норм права, без определения и установления всех имеющих значение для дела обстоятельств.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

Согласно пункту 1 статьи 1064 ГК РФ вред, причиненный имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункт 2).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 11 постановления от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснил, что установленная статьей 1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия своей вины должны представить сами ответчики.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в абзацах первом и втором пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков.

Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу пункта 1 статьи 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Согласно приведенным нормам права и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации невозможность точного расчета убытков не является основанием для лишения потерпевшего права на возмещение ущерба, размер которого в таком случае определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов разумности и соразмерности. Аналогичным образом невозможность точного определения степени влияния одной из совокупных причин на возникновение ущерба не должна приводить к лишению потерпевшего права на возмещение вреда.

При разрешении данного спора судом не дана оценка заключению эксперта о том, что одной из совокупных причин повреждения являются дорожные строительные работы.

Отказываясь от проведения повторной экспертизы, истец ссылалась на чрезмерную затратность предложенного экспертом способа выявления армирования кирпичной кладки путем разборки стены и указывала на наличие более щадящих и менее затратных способов его выявления, однако судебными инстанциями этим обстоятельствам оценки не дано.

Не обсужден судами и вопрос о том, подлежат ли применению в данном деле положения статьи 1079 ГК РФ, в соответствии с пунктом 1 которой юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление

строительной и иной, связанной с ней деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 данного кодекса.

Кроме того, К., заявляя требования о компенсации морального вреда, ссылалась на то, что как во время строительства автомобильной дороги, так и на момент рассмотрения дела судом уровень звука в ее доме превышает допустимые нормативные значения, в связи с чем истец испытывает регулярные головные боли и проблемы со сном.

При таких обстоятельствах отказ в иске в полном объеме нельзя признать законным.

Определение № 11-КГ23-21-К6

6. Факт наличия или отсутствия вины каждого из участников дорожно-транспортного происшествия подлежит установлению судом при рассмотрении гражданского дела о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Постановление административного органа о привлечении лица к административной ответственности, вынесенное в отношении одного из участников дорожно-транспортного происшествия, может являться одним из письменных доказательств, однако преюдициального значения не имеет.

Страховщик обратился в суд с иском к К. о возмещении ущерба в порядке суброгации, указав в обоснование, что 19 июня 2021 г. в результате дорожно-транспортного происшествия был поврежден автомобиль, принадлежащий обществу и застрахованный по договору добровольного страхования. Признав случай страховым, истец оплатил восстановительный ремонт данного транспортного средства на сумму 1 987 278,35 руб., в связи с чем просил взыскать с ответчика ущерб в виде произведенных расходов на данный ремонт за вычетом полученной по договору обязательного страхования гражданской ответственности К. страховой суммы в размере 400 000 руб.

Удовлетворяя иск, суд первой инстанции исходил из вины ответчика в дорожно-транспортном происшествии, что подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении от 19 июня 2021 г.

С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые судебные постановления вынесенными с существенными нарушениями норм права.

Согласно пункту 1 статьи 965 ГК РФ, если договором имущественного страхования не предусмотрено иное, к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования.

В соответствии с абзацем вторым пункта 3 статьи 1079 ГК РФ вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам, возмещается на общих основаниях (статья 1064).

Из положений статьи 1064 ГК РФ следует, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (пункт 1). Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (пункт 2).

Как разъяснено в пункте 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», вред владельцам источников повышенной опасности, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности, возмещается на общих основаниях (статья 1064 ГК РФ), то есть по принципу ответственности за вину. При этом необходимо иметь в виду следующее: а) вред, причиненный одному из владельцев по вине другого, возмещается виновным; б) при наличии вины лишь владельца, которому причинен вред, он ему не возмещается; в) при наличии вины обоих владельцев размер возмещения определяется соразмерно степени вины каждого; г) при отсутствии вины владельцев во взаимном причинении вреда (независимо от его размера) ни один из них не имеет права на возмещение вреда друг от друга.

С учетом приведенных норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации факт наличия или отсутствия вины каждого из участников дорожного движения в дорожно-транспортном происшествии является обстоятельством, имеющим юридическое значение для правильного разрешения спора о возмещении вреда, причиненного в результате взаимодействия источников повышенной опасности их владельцам.

Принимая решение об удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что вина К. в дорожно-транспортном происшествии подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении, которое ответчиком не оспорено и вступило в законную силу. При этом какие-либо обстоятельства, установленные данным постановлением, применительно к спору по данному делу суд не привел и иные доказательства не исследовал.

Между тем постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административным органом, не обладает свойством преюдициальности при рассмотрении гражданского дела

о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, и в силу статей 61, 67, части 1 статьи 71 ГПК РФ является письменным доказательством, подлежащим оценке наряду с другими доказательствами.

В рамках производства по делу об административном правонарушении устанавливается вина водителей с точки зрения возможности привлечения их к административной ответственности. То, что второй участник дорожно-транспортного происшествия не был привлечен к административной ответственности, само по себе не свидетельствует об отсутствии его вины в причинении вреда другому участнику этого происшествия.

Таким образом, наличие или отсутствие вины каждого из участников дорожно-транспортного происшествия, степень их вины входят в предмет доказывания по гражданскому делу и являются обстоятельствами, имеющими юридическое значение для правильного разрешения дела, а постановления, вынесенные административным органом по делу об административном правонарушении, не освобождают суд от обязанности установить эти обстоятельства.

Удовлетворяя требования страховщика, суд первой инстанции в нарушение положений части 4 статьи 67 и части 4 статьи 198 ГПК РФ не указал в мотивировочной части решения мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

Выводы о наличии либо об отсутствии нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации со стороны второго участника дорожно-транспортного происшествия решение суда не содержит, владелец данного транспортного средства к участию в деле не привлекался.

Кроме того, суд первой инстанции, устанавливая размер вреда, подлежащего взысканию с К. в пользу страховщика, не принял во внимание содержание пункта 3 статьи 1083 ГК РФ об учете имущественного положения причинителя вреда и, несмотря на письменные возражения ответчика, содержащие ссылку на возраст, тяжелое материальное положение, не предложил ему представить соответствующие доказательства.

Ввиду допущенных судом первой инстанции ошибок в применении норм права, которые не были исправлены судом апелляционной инстанции при проверке решения нижестоящего суда и оставлены без внимания судом кассационной инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 18-КГ23-224-К4

Защита трудовых и социальных прав граждан

7. При разрешении споров, связанных с предоставлением субсидии на приобретение или строительство жилого помещения нуждающимся в жилье гражданам из числа коренных малочисленных народов Российской Федерации, исходя из целей и задач государственной политики, направленных на улучшение жилищных условий данной категории граждан, судам при оценке правомерности решения уполномоченного органа о снятии таких граждан с учета нуждающихся в улучшении жилищных условий необходимо принимать во внимание состав семьи гражданина на дату принятия решения.

С. обратилась в суд с иском к Департаменту строительства и жилищно-коммунального комплекса Ханты-Мансийского автономного округа − Югры о признании незаконным решения о снятии с учета на получение субсидии и об исключении из списков участников мероприятия по обеспечению жильем граждан из числа коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа − Югры, об обязании восстановить на данном учете и признать право на получение субсидии.

В обоснование заявленных требований С. указала, что она является представителем народа ханты, который в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» отнесен к коренным малочисленным народам Российской Федерации.

С 30 декабря 2002 г. С. состоит в браке с А., у супругов трое общих детей − 2004, 2011 и 2017 г.р.

Решением уполномоченной организации от 11 марта 2013 г. С. с семьей (супруг и дети 2004 и 2011 г.р.) была признана участником подпрограммы «Обеспечение жилыми помещениями граждан из числа коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе − Югре» целевой программы Ханты-Мансийского автономного округа − Югры «Улучшение жилищных условий населения Ханты-Мансийского автономного округа − Югры на 2011−2013 годы и на период до 2015 года», утвержденной постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа − Югры от 23 декабря 2010 г. № 368-п (далее – целевая подпрограмма).

24 марта 2022 г. С. обратилась в Департамент строительства и жилищно-коммунального комплекса Ханты-Мансийского автономного округа − Югры (далее − уполномоченный орган) с заявлением о предоставлении ей субсидии в планируемом финансовом 2023 году. На дату подачи С. заявления о признании ее участником целевой подпрограммы обеспеченность общей площадью жилого помещения, занимаемого по договору социального найма, на каждого члена ее семьи

составляла 11,22 кв. м (менее учетной нормы в Ханты-Мансийском автономном округе − Югре − 12 кв.м).

Приказом уполномоченного органа от 4 мая 2022 г. С. снята с учета на получение субсидии и исключена из списка участников целевой подпрограммы со ссылкой на то, что с 22 января 2016 г. С. утрачена нуждаемость в улучшении жилищных условий, так как в период с 22 января 2016 г. по 26 января 2018 г. на каждого члена семьи С. приходилось по 16,85 кв. м общей площади жилого помещения, с 26 января 2018 г. − по 13,48 кв. м (более учетной нормы).

По мнению С., решение уполномоченного органа является незаконным, поскольку при определении нуждаемости С. в улучшении жилищных условий не были учтены все члены ее семьи, а именно: сын – Е., 2017 г.р., и проживающая с 2019 года совместно с семьей С. ее бабушка – Л., 1932 г.р. С учетом всех членов семьи С. (супруг, трое детей, бабушка) на дату снятия ее с учета на получение субсидии и исключения из списка участников целевой подпрограммы (4 мая 2022 г.) обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи С. составляла менее 12 кв. м (11,22 кв. м), ввиду чего у уполномоченного органа не имелось оснований для принятия оспариваемого решения.

С. также обращала внимание на то, что уполномоченный орган с 2013 года не осуществлял проверку ее документов как участника целевой подпрограммы, то есть бездействовал более 9 лет.

Разрешая спор и удовлетворяя иск С., суд первой инстанции, руководствуясь положениями подлежащего применению к спорным отношениям правового регулирования, в том числе пунктов 5 и 7 Порядка предоставления субсидии на приобретение или строительство жилых помещений гражданам из числа коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе − Югре, подавшим до 31 декабря 2014 г. заявления на получение мер государственной поддержки, утвержденного постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа − Югры от 29 декабря 2020 г. № 643-п, исходил из того, что на дату издания приказа уполномоченного органа о снятии С. с учета на получение субсидии и об исключении из списка участников целевой подпрограммы (4 мая 2022 г.) семья С. состояла из шести человек, и на каждого приходилось менее 12 кв. м (11,22 кв. м) общей площади жилого помещения, в связи с чем С. вместе с членами своей семьи относились к нуждающимся в улучшении жилищных условий в целях предоставления субсидии. При определении нуждаемости таких граждан в улучшении жилищных условий членами их семьи признаются совместно проживающие с ними супруг, дети, родители, а также иные близкие родственники, в числе которых родные бабушки.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований С., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что она была обоснованно снята с учета на получение

субсидии и исключена из списка участников целевой подпрограммы в связи с утратой оснований, дающих право на получение субсидии.

Суд апелляционной инстанции счел не имеющим правового значения факт того, что с 26 января 2018 г. в договор социального найма жилого помещения включен сын С. − Е., 2017 г.р., а также то, что с 2019 года вместе с С. фактически проживает ее бабушка Л., приведя довод о том, что С. перестала быть нуждающейся в улучшении жилищных условий с 22 января 2016 г.

Кассационный суд общей юрисдикции, соглашаясь с выводами суда апелляционной инстанции, отклонил доводы кассационной жалобы С. о том, что суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что семья С. имеет в своем составе участника специальной военной операции (супруг С.), получившего тяжелое ранение в ходе этой операции, и отметил, что наличие в составе семьи С. такого лица не является основанием для сохранения за С. и членами ее семьи права на получение субсидии в рамках целевой подпрограммы в отсутствие нуждаемости в улучшении жилищных условий.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала приведенные выводы суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Из нормативных положений законодательства субъекта Российской Федерации следует, что в Ханты-Мансийском автономном округе − Югре разработаны и утверждены целевые программы, которые реализуются за счет средств бюджета автономного округа и направлены на улучшение жилищных условий и обеспечение жильем отдельных категорий граждан, проживающих на территории данного субъекта Российской Федерации. Среди таких граждан − граждане из числа коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающие на территории Ханты-Мансийского автономного округа − Югры, а также члены их семей, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Цель улучшения жилищных условий этой категории граждан − обеспечение им стабильных условий жизни на территории Ханты-Мансийского автономного округа − Югры.

В целях определения нуждаемости в улучшении жилищных условий членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма признаются проживающие совместно с ним его супруг, дети и родители данного нанимателя, иные близкие родственники − родные братья и сестры, родные дедушки и бабушки, внуки.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая С. в удовлетворении иска, в отличие от суда первой инстанции, формально подошел к разрешению спора, в нарушение положений статей 67, 71, 195 ГПК РФ не учел всей совокупности обстоятельств, связанных с обеспеченностью общей площадью жилого помещения каждого члена семьи С., состоящей из шести человек на дату издания оспариваемого приказа, менее учетной нормы, установленной

в Ханты-Мансийском автономном округе − Югре для признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий в целях предоставления субсидии.

Суд апелляционной инстанции оставил без внимания и надлежащей правовой оценки те обстоятельства, что ответчик с даты принятия решения о признании С. участником целевой подпрограммы (11 марта 2013 г.) по дату издания приказа о снятии ее с учета на получение субсидии и об исключении из списков участников этой подпрограммы (4 мая 2022 г.), то есть более 9 лет, не осуществлял проверку документов С. (состав семьи, обеспеченность общей площадью жилого помещения на каждого члена семьи), с 2019 года ее семья состояла из шести человек (она, супруг, трое детей, двое из которых несовершеннолетние, и престарелая бабушка) и на каждого из членов ее семьи приходится 11,22 кв. м общей площади жилого помещения, что менее учетной нормы (12 кв. м), супруг С. является участником специальной военной операции и находится в медицинском учреждении на лечении в связи с полученным в ходе специальной военной операции тяжелым ранением.

Между тем лишение в такой ситуации С. и ее семьи права на обеспечение жилым помещением путем предоставления субсидии на приобретение или строительство жилого помещения исходя только из формального критерия обеспеченности в 2016 году семьи С. общей площадью жилого помещения на каждого члена семьи более 12 кв. м не будет отвечать целям и задачам государственной политики, направленной на улучшение жилищных условий граждан из числа коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа − Югры и обеспечение им стабильных условий жизни и права на достойное существование. При подобном подходе суда апелляционной инстанции к применению норм, регулирующих спорные отношения, предоставление субсидии на приобретение или строительство жилого помещения таким гражданам, по сути, утрачивает характер меры социальной поддержки данной категории граждан, что противоречит целям социального государства, призванного создавать условия для достойной жизни граждан, и подрывает их доверие к закону и действиям государства.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также признала неправомерным суждение кассационного суда общей юрисдикции о том, что наличие в составе семьи С. участника специальной военной операции, получившего тяжелое ранение в ходе этой операции, не является основанием для сохранения за С. и членами ее семьи права на получение субсидии в рамках целевой подпрограммы в отсутствие нуждаемости в улучшении жилищных условий, поскольку оно сделано без учета нормативных положений постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа − Югры от 9 сентября 2023 г. № 450-п «О мерах по обеспечению жилыми помещениями лиц, участвующих в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой

Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской, Херсонской областей, членов их семей и внесении изменений в некоторые постановления Правительства Ханты-Мансийского автономного округа − Югры» и установленных по делу обстоятельств о нуждаемости семьи С. в улучшении жилищных условий.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и оставила в силе решение суда первой инстанции об удовлетворении иска.

Определение № 69-КГ24-2-К7

8. Лица, утратившие жилье в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, имеют право на получение выплаты на приобретение или строительство жилого помещения в случае отсутствия у них других пригодных для проживания жилых помещений.

Прокурор в порядке статьи 45 ГПК РФ в интересах О. и двух ее несовершеннолетних детей обратился в суд с иском к Министерству социальной защиты населения Амурской области (далее – уполномоченный орган) о признании права на получение выплаты на приобретение или строительство жилого помещения в связи с утратой единственного пригодного для проживания жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации природного характера (наводнение), произошедшей на территории Амурской области в июне 2021 года, возложении на ответчика обязанности включить О. и ее несовершеннолетних детей в список граждан, жилые помещения которых признаны аварийными и подлежащими сносу в результате названной ситуации, и произвести О. и ее несовершеннолетним детям выплаты на приобретение или строительство жилого помещения.

В обоснование заявленных требований прокурор указывал, что принадлежащий на праве собственности О. жилой дом, в котором она с детьми зарегистрирована и проживает, был поврежден в результате чрезвычайной ситуации регионального характера и признан непригодным для проживания.

Решением уполномоченного органа О. и членам ее семьи отказано в предоставлении выплаты на приобретение или строительство жилого помещения в связи с наличием в собственности О. на день введения режима чрезвычайной ситуации иных жилых помещений.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении иска прокурора в интересах О. и ее несовершеннолетних детей, суд первой инстанции исходил из того, что поврежденный в результате чрезвычайной ситуации природного характера принадлежащий О. жилой дом не является ее единственным местом жительства, в собственности у нее имеется иное

жилое помещение площадью 8,9 кв. м. При этом суд первой инстанции полагал, что недостаточность общей площади этого жилого помещения для семьи О. не свидетельствует о его непригодности для проживания, поскольку законодательство не устанавливает минимальный размер площади другого жилого помещения, имеющегося в собственности лица, претендующего на получение выплаты на приобретение или строительство жилого помещения, или доли в праве собственности на иное жилое помещение, пригодное для проживания.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судом кассационной инстанции решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Из положений подлежащего применению к спорным отношениям правового регулирования, в том числе Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Закона Амурской области от 6 марта 1997 г. № 151-ОЗ «О защите населения и территорий области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», статей 15−17 ЖК РФ, следует, что выплата на приобретение или строительство жилого помещения, являясь мерой социальной поддержки для граждан, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, направлена на обеспечение жильем тех граждан, чье единственное пригодное для проживания жилое помещение было утрачено в результате такой чрезвычайной ситуации. Одним из критериев отнесения помещения – дома, квартиры, комнаты – к жилым является его пригодность для постоянного проживания граждан.

Судами первой и апелляционной инстанций нормы материального права, регламентирующие отношения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в системной взаимосвязи с нормативными положениями о понятии жилого помещения, критериях жилого помещения, пригодного для проживания, к спорным отношениям применены не были, вследствие чего не дана надлежащая правовая оценка приводимым О. доводам о том, что она с несовершеннолетними детьми проживает в подвергшемся затоплению доме, иного пригодного для проживания жилого помещения истец и ее дети не имеют, при этом комнату, находящуюся в собственности истца, площадью 8,9 кв. м невозможно использовать для проживания семьи, состоящей из трех человек, так как на одного человека приходится по 2,9 кв. м жилой площади.

Суды первой и апелляционной инстанций вопреки положениям статей 67, 71, 195 ГПК РФ не учли всей совокупности обстоятельств, связанных с требованиями, которым должно отвечать пригодное для проживания жилое помещение, и утратой О. единственного имеющегося у нее пригодного для проживания жилого помещения в результате чрезвычайной ситуации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также обратила внимание на недопустимость нарушения основных гарантий прав и законных интересов ребенка, предусмотренных, в частности, Конституцией Российской Федерации, Конвенцией о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», устанавливающих, что материнство и детство, а также семья находятся под защитой государства; дети имеют право на особую заботу и помощь, дети, живущие в исключительно трудных условиях, нуждаются в особом внимании; защита прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, выступает в качестве одного из основных направлений обеспечения прав ребенка в Российской Федерации; к детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, относятся в том числе дети − жертвы стихийных бедствий.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении данного спора не учли, что иск в первую очередь был направлен на защиту прав несовершеннолетних детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в связи с утратой единственного пригодного для проживания жилого помещения в результате наводнения, а отказ органа социальной защиты в предоставлении матери и ее детям выплаты на приобретение или строительство жилого помещения взамен утраченного жилого помещения нарушает права ее несовершеннолетних детей на достойный уровень жизни, который необходим для их физического и нравственного развития. Данные обстоятельства должной правовой оценки с учетом подлежащего применению правового регулирования не получили.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования статьи 379 и частей 1−3 статьи 379^7 ГПК РФ.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 59-КГ23-4-К9

9. Суммы региональной социальной доплаты к пенсии, излишне выплаченные органом социальной защиты населения гражданину, подлежат в установленном порядке возмещению пенсионером только в случае, если перерасход средств на выплату региональной социальной доплаты к пенсии произошел по причине представления пенсионером недостоверных сведений или несвоевременного выполнения им обязанности по информированию органа социальной защиты населения о наступлении обстоятельств, влекущих за собой прекращение выплаты или изменение ее размера.

П. обратился в суд с иском к органу социальной защиты населения о признании решения незаконным, признании действий незаконными, об обязании произвести выплаты, возвратить удержанную региональную социальную доплату к пенсии (далее также – региональная социальная доплата).

В обоснование иска П. указал, что он с 2005 года является получателем пенсии по старости и региональной социальной доплаты к пенсии до городского социального стандарта. С 12 сентября 2019 г. по 14 января 2020 г. он являлся участником социологического исследования аудитории Интернета в России на основании заключенного им с АО «Медиаскоп» (далее − общество) соглашения, трудовая книжка, страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС) в общество им не предоставлялись. За участие в исследовании ему было начислено вознаграждение за три месяца в размере 516 руб. Заключая данное соглашение, он не предполагал, что оно будет расцениваться пенсионным органом и органом социальной защиты населения как трудоустройство и будет является основанием для отказа ему в выплате региональной социальной доплаты к пенсии.

Между тем органом социальной защиты населения 1 сентября 2020 г. П. приостановлена выплата региональной социальной доплаты к пенсии, 23 сентября 2020 г. вынесено решение об удержании выплаченной региональной социальной доплаты за период с 1 октября 2019 г. по 14 января 2020 г. в размере 41 363,20 руб.

Это решение, а также действия органа социальной защиты населения по удержанию 20 % ежемесячно из причитающейся ему к выплате региональной социальной доплаты к пенсии нарушают права П. и являются неправомерными.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что в случае, если пенсионеры осуществляют деятельность, в результате которой возникают отношения по обязательному пенсионному страхованию, то они не могут признаваться неработающими пенсионерами и право на получение доплаты к пенсии не имеют. При этом суд первой инстанции исходил из того, что отношения П. и общества вытекают именно из такой деятельности, поскольку

обществом были произведены отчисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в адрес П.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судом кассационной инстанции решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Из подлежащих применению к отношениям сторон положений статей 12, 12^1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», статьи 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», постановления Правительства Москвы от 17 ноября 2009 г. № 1268-ПП «О региональной социальной доплате к пенсии» и других следует, что на органы социальной защиты населения возложена обязанность проводить разъяснительную работу с гражданами по вопросам реализации их прав на социальное обеспечение. При обращении пенсионера в такой орган по вопросу предоставления ему меры социальной поддержки в виде региональной социальной доплаты к пенсии он имеет право на получение от этого органа разъяснений о его правах и обязанностях и порядке их реализации, и этому праву корреспондирует обязанность органа социальной защиты населения в целях правовой и социальной защиты указанного лица предоставить ему всю необходимую информацию, проверить документы, приложенные пенсионером к заявлению, и сведения, содержащиеся в них, для оценки права пенсионера на данную меру социальной поддержки. В случае невыполнения органом социальной защиты населения названной обязанности, приведшего к образованию переплаты региональной социальной доплаты к пенсии, сумма такой переплаты не может быть удержана с пенсионера.

Судами первой и апелляционной инстанций неправильно применены нормы права, регулирующие порядок назначения и выплаты неработающим пенсионерам региональной социальной доплаты к пенсии и определяющие необходимые действия органа социальной защиты населения при назначении пенсионеру региональной социальной доплаты к пенсии или при поступлении сведений, свидетельствующих об утрате пенсионером права на получение данной доплаты, вследствие этого обстоятельства, имеющие значение для дела и, соответственно, влияющие на его исход, судами первой и апелляционной инстанций не установлены.

По данному делу юридически значимым с учетом исковых требований П., возражений ответчика относительно иска и подлежащих применению

норм материального права являлось установление, в частности, следующих обстоятельств: имела ли место со стороны П. недобросовестность при получении им в период с 1 октября 2019 г. по 14 января 2020 г. региональной социальной доплаты к пенсии, назначенной ему как неработающему пенсионеру; разъяснено ли было пенсионеру П. органом социальной защиты населения, какая деятельность относится к деятельности, при осуществлении которой возникают отношения по обязательному пенсионному страхованию, пенсионер перестает признаваться неработающим и утрачивает право на получение региональной социальной доплаты к пенсии; принимал ли П. письменное обязательство об информировании органа социальной защиты населения о наступлении обстоятельств, влекущих за собой прекращение выплаты или изменение размера региональной социальной доплаты; была ли осуществлена ответчиком − органом социальной защиты населения − проверка фактов, влияющих на продолжение выплаты региональной социальной доплаты П.

Однако эти обстоятельства суды первой и апелляционной инстанций не устанавливали, в нарушение части 2 статьи 56 и части 1 статьи 196 ГПК РФ не определили их в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки суда.

Поскольку добросовестность гражданина (в данном случае П.) при разрешении его исковых требований о признании незаконным решения органа социальной защиты населения об удержании с него переплаты региональной социальной доплаты к пенсии презюмируется, судебным инстанциям следовало применить к спорным отношениям подпункт 3 статьи 1109 ГК РФ и возложить бремя доказывания недобросовестности П. при получении им региональной социальной доплаты к пенсии на ответчика − орган социальной защиты населения, принявший решение об удержании с него излишне выплаченных сумм региональной социальной доплаты к пенсии за период с 1 октября 2019 г. по 14 января 2020 г.

Лишение истца ежемесячной доплаты к пенсии в размере 11 984,02 руб. при получении им по соглашению об участии в исследовании в месяц 149 руб. (с вычетом налога) лишь по причине предоставления обществом в пенсионный орган сведений об истце как о застрахованном лице не является справедливым и привело к тому, что размер материального обеспечения истца составил меньше величины прожиточного минимума для пенсионера в г. Москве, что является недопустимым, противоречит политике Российской Федерации как социального государства и целям пенсионного обеспечения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также указала на допущенный судебными инстанциями формальный подход к рассмотрению данного дела, в котором разрешался спор о правомерности удержания органом социальной защиты

с П. − неработающего пенсионера − значительной по размеру денежной суммы.

Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе П. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ24-24-К2

10. Неинформирование органом социальной защиты населения гражданина, являющегося пенсионером, о наличии у него права на получение ежемесячной социальной выплаты, гарантированной региональным законодательством, приведшее к несвоевременному обращению гражданина за ее назначением, дает ему право на обращение в суд за возмещением неполученных денежных сумм данной меры социальной поддержки на основании статьи 16 Гражданского кодекса Российской Федерации.

С. 21 января 2022 г. обратилась в суд с иском к пенсионному органу, администрации района г. Санкт-Петербурга (далее – администрация района, администрация) о взыскании с ответчиков в ее пользу неполученной ежемесячной региональной социальной выплаты за период с февраля 2014 по апрель 2021 года включительно в размере 196 150,20 руб.

В обоснование исковых требований С., 1959 г.р., ссылалась на то, что является инвалидом III группы, проживает одна, родственников, которые могли бы ей помочь разобраться с пенсионными вопросами, не имеет, начиная с даты назначения ей страховой пенсии по старости (23 января 2014 г.) и до мая 2021 года она не была проинформирована сотрудниками пенсионного органа и отдела социальной защиты населения администрации района о наличии у нее права на получение ежемесячной социальной выплаты. Только в мае 2021 года С. была извещена по телефону сотрудником отдела социальной защиты населения администрации района о наличии у нее права на получение ежемесячной социальной выплаты, после чего она обратилась в администрацию с соответствующим заявлением и ежемесячная социальная выплата была ей назначена с 2 июня 2021 г.

Отказывая С. в удовлетворении исковых требований к администрации района, суд первой инстанции исходил из того, что назначение ежемесячной социальной выплаты носит заявительный характер, а С. подала заявление о предоставлении ей ежемесячной социальной выплаты в администрацию

района только 29 мая 2021 г., доказательств ее обращения с таким заявлением в орган социальной защиты населения ранее этой даты не имеется. Кроме того, суд указал на то, что пенсионный орган является ненадлежащим ответчиком по данному делу.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального права или норм процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, проверяя законность судебных постановлений, признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с существенным нарушением норм процессуального права.

Социальная защита, включая социальное обеспечение, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» предусмотрены социальные доплаты к пенсии, в частности федеральная социальная доплата к пенсии, а также региональная социальная доплата к пенсии пенсионеров, уровень материального обеспечения которых ниже установленного законом.

Органы государственной власти субъекта Российской Федерации, в свою очередь, вправе устанавливать за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан, в том числе для граждан пожилого возраста и инвалидов. Одной из дополнительных мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в г. Санкт-Петербурге, финансируемой за счет бюджета этого субъекта Российской Федерации, является ежемесячная социальная выплата, предоставляемая пенсионерам из числа граждан, достигших возраста 60 лет и старше, неработающих женщин в возрасте от 55 до 60 лет, инвалидов I или II группы.

Законодательством г. Санкт-Петербурга предусмотрен заявительный порядок предоставления ежемесячной социальной выплаты, то есть решение о назначении или об отказе в назначении этой выплаты администрацией района принимается на основании соответствующего заявления гражданина, претендующего на получение названной меры социальной поддержки.

Статьей 16 ГК РФ определено, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией,

соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Из положений нормативных правовых актов г. Санкт-Петербурга, регламентирующих предоставление ежемесячной социальной выплаты, следует, что организация работы по назначению данной меры социальной поддержки пенсионерам, достигшим возраста 60 лет и старше, неработающим женщинам в возрасте от 55 до 60 лет и инвалидам I и II группы Правительством Санкт-Петербурга возложена на администрацию района города, одной из основных задач которой является обеспечение проведения на территории района политики г. Санкт-Петербурга в сфере социальной защиты населения. При выполнении функции по предоставлению меры социальной поддержки в виде ежемесячной социальной выплаты указанным категориям пенсионеров администрация района наделяется полномочиями по межведомственному взаимодействию с органами государственной власти и организациями, в том числе с пенсионным органом, обладающим информацией о назначенных и получаемых гражданами в г. Санкт-Петербурге пенсиях и их размерах, что соотносится с нормами федерального законодательства, закрепляющими обмен информацией между пенсионными органами и уполномоченными органами исполнительной власти в целях установления пенсионерам федеральных и региональных социальных доплат к пенсии.

Организация администрацией района работы по назначению ежемесячной социальной выплаты пенсионерам предполагает также проведение среди граждан разъяснительной работы, информирование граждан о мерах социальной поддержки, на которые они имеют право.

Заявительный порядок предоставления пенсионерам ежемесячной социальной выплаты, установленный региональным законодательством, не освобождает администрацию района от работы по информированию граждан, которые в силу возраста или по состоянию здоровья нуждаются в получении материальной поддержки со стороны государства, о наличии у них права на данную дополнительную меру социальной поддержки и порядке его реализации. Для обращения в администрацию района с заявлением о предоставлении ежемесячной социальной выплаты гражданин должен знать о своем праве на получение этой меры социальной поддержки.

В случае неинформирования администрацией района гражданина, являющегося пенсионером, о наличии у него права на меры социальной поддержки, приведшего к несвоевременному обращению гражданина с заявлением о назначении ему ежемесячной социальной выплаты, данный гражданин вправе обратиться в суд за возмещением неполученных денежных сумм социальной поддержки на основании статьи 16 ГК РФ.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований С. о взыскании с администрации района неполученной ежемесячной социальной выплаты за спорный период нормативные положения, регулирующие спорные отношения, не применили

во взаимосвязи с нормами Конституции Российской Федерации о целях социальной политики государства, его обязанности заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности (статья 7, пункт «ж» части 1 статьи 72, части 1, 2, 5 статьи 76), а также нормами Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (статья 12^1).

Судебные инстанции не учли, что для обращения в администрацию района с заявлением о предоставлении ежемесячной социальной выплаты С. должна была знать об имеющемся у нее праве на предоставление такой меры социальной поддержки. Однако администрация района в ходе рассмотрения дела в судах первой и апелляционной инстанций не представила данных о том, что С., которая приобрела статус пенсионера 23 января 2014 г., была своевременно проинформирована сотрудниками администрации о наличии у нее права на предоставление ежемесячной социальной выплаты, что было оставлено без внимания судебными инстанциями и повлекло неправильное применение норм материального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также отметила, что не основан на нормах права, подлежащих применению по данному делу, и вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что пенсионный орган не является надлежащим ответчиком по делу, поскольку гражданин при обращении в пенсионный орган по вопросам пенсионного обеспечения или в связи с иными жизненными событиями имеет право на получение от данного органа информации о его правах, в связи с чем пенсионный орган при обращении гражданина за назначением страховой пенсии по старости должен был разъяснить ему в том числе право на федеральные, региональные социальные доплаты к пенсии и дополнительные меры социальной поддержки.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций незаконными, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 78-КГ24-9-К3

11. При разрешении спора о праве членов семьи сотрудника полиции на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения уровень обеспеченности семьи сотрудника общей площадью жилого помещения определяется исходя из норм Жилищного кодекса Российской Федерации о составе членов семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма.

С., действующая в своих интересах и в интересах двоих несовершеннолетних детей, и М. обратились 30 сентября 2022 г. в суд с иском к управлению Росгвардии о восстановлении на учете очередников на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее также − единовременная социальная выплата).

В обоснование требований истцы указывали, что С. являлась супругой майора полиции В., М. – его сыном, кроме того, у С. и В. имелось еще двое детей, 2012 г.р.

Майор полиции В. с 2014 года состоял на учете на получение единовременной социальной выплаты с семьей из пяти человек (он, супруга С., сын М., 1997 г.р., и двое несовершеннолетних детей, 2012 г.р.). На дату постановки на учет обеспеченность семьи сотрудника полиции жильем на одного члена семьи из пяти человек составила 12,46 кв. м.

5 декабря 2021 г. В. умер.

Решением жилищной комиссии от 14 апреля 2022 г. майор полиции В. с семьей из четырех человек (В., супруга С. и двое несовершеннолетних детей) снят с учета очередников в связи с утратой оснований для получения единовременной социальной выплаты – обеспеченность жилой площадью семьи сотрудника полиции из четырех человек более 15 кв. м на одного члена семьи. Основанием для принятия такого решения стало достижение М. (сыном В.) 23-летнего возраста, что, по мнению комиссии, позволило не учитывать М. при расчете уровня обеспеченности жилой площадью членов семьи сотрудника полиции В. в целях предоставления единовременной социальной выплаты.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований С., действующей в своих интересах и в интересах несовершеннолетних детей, а также исковых требований М. о признании незаконным решения жилищной комиссии от 14 апреля 2022 г. о снятии с учета очередников на получение единовременной социальной выплаты семьи майора полиции В. и о восстановлении на таком учете, суд первой инстанции исходил из того, что поскольку сын умершего сотрудника М., 1997 г.р., достиг 23-летнего возраста, то он как член семьи сотрудника утратил право состоять на учете на получение единовременной социальной выплаты, обеспеченность семьи сотрудника из четырех человек жильем составила более установленной нормы – 15 кв. м на одного члена семьи, в связи с чем утрачены основания для получения истцами единовременной социальной выплаты.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм права, дополнительно отметив, что нормы ЖК РФ, относящие к членам семьи собственника жилого помещения детей независимо от возраста (статья 31), не подлежат применению к спорным правоотношениям,

поскольку в данном случае эти отношения регулирует Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ), не имеющий такой нормы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права ввиду следующего.

В соответствии с законодательством Российской Федерации на лиц, проходящих службу в Росгвардии и имеющих специальные звания полиции, граждан, уволенных со службы в Росгвардии, членов их семей распространяются в том числе положения Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ.

Условия, при которых сотруднику предоставляется единовременная социальная выплата, предусмотрены в части 2 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, в их числе обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее 15 кв. м.

Единовременная социальная выплата предоставляется сотруднику с учетом совместно проживающих с ним членов его семьи (часть 4 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ).

В соответствии с частью 2 статьи 1 названного федерального закона членами семьи сотрудника считаются: супруга (супруг), состоящие в зарегистрированном браке с сотрудником; супруга (супруг), состоявшие в зарегистрированном браке с погибшим (умершим) сотрудником на день его гибели (смерти); несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения.

Согласно пункту 1 части 4 статьи 12 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ право на социальные гарантии, установленные названным федеральным законом, сохраняется за членами семьи сотрудника в случае гибели (смерти) сотрудника вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел.

Из нормативных положений Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ и Правил предоставления единовременной социальной выплаты[1]

[1] Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1223 утверждены Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, а также иным лицам, имеющим право на получение такой выплаты.

следует, что при определении уровня обеспеченности жилой площадью сотрудника в целях предоставления единовременной социальной выплаты учету подлежит суммарная площадь всех жилых помещений, занимаемых сотрудником и (или) проживающими совместно с ним членами его семьи по договору социального найма или в силу правоотношений собственности, вне зависимости от того, кто является нанимателем или собственником жилого помещения.

Социальная гарантия в виде единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сохраняется за членами семьи сотрудника и в случае его смерти по причинам, названным в законе. Члены семьи погибшего (умершего) сотрудника имеют право на получение единовременной социальной выплаты при наличии у погибшего (умершего) сотрудника условий, предусмотренных частью 2 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, то есть при нуждаемости в жилом помещении.

Правила предоставления единовременной социальной выплаты содержат исчерпывающий перечень оснований, при наличии которых сотрудник снимается с учета для получения единовременной социальной выплаты. Среди них не имеется такого основания, как достижение возраста 23 лет детьми сотрудника, проживающими совместно с ним и стоящими на учете для получения единовременной социальной выплаты в качестве членов его семьи.

Вместе с тем по смыслу положений части 2 статьи 1 и части 4 статьи 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ в их взаимосвязи достигшие возраста 23 лет дети сотрудника, проживающие совместно с ним и стоящие на учете для получения единовременной социальной выплаты в числе членов его семьи (за исключением детей старше 18 лет, ставших инвалидами до достижения ими возраста 18 лет), не учитываются в качестве членов семьи сотрудника при определении размера предоставляемой сотруднику единовременной социальной выплаты.

Суды первой и апелляционной инстанций, делая вывод о том, что по достижении возраста 23 лет М. как член семьи своего отца – сотрудника полиции В. – утратил право стоять на учете для получения единовременной социальной выплаты и включаться в состав семьи сотрудника полиции В. в целях определения уровня обеспеченности его семьи общей площадью жилого помещения, не учли нормы жилищного законодательства Российской Федерации (статьи 31, 51, 69 ЖК РФ) об основаниях признания граждан нуждающимися в жилых помещениях и о круге лиц, относящихся к членам семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма, а также не учли правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, касающуюся вопроса применения норм ЖК РФ при реализации сотрудником или членами его семьи права на предоставление единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения

(определения от 28 июня 2022 г. № 1586-О, от 30 марта 2023 г. № 622-О и др.).

Судами не принято во внимание, что уровень обеспеченности семьи сотрудника полиции (в данном случае В.) следовало определять не только исходя из норм части 2 статьи 1 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ о лицах, относящихся к членам семьи сотрудника, но и норм жилищного законодательства о том, кто относится к членам семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма, не содержащих требований к возрасту детей, относящихся к членам семьи собственника жилого помещения или нанимателя жилого помещения по договору социального найма, при оценке уровня обеспеченности семьи общей площадью жилого помещения.

В результате нарушения норм права, регламентирующих спорные отношения, суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении исковых требований истцов не дали правовой оценки тому обстоятельству, что состав семьи сотрудника полиции В. и обеспеченность его семьи жильем с даты постановки на учет очередников на получение единовременной социальной выплаты (3 июля 2014 г.) и до дня принятия решения жилищной комиссией о снятии семьи В. с данного учета (14 апреля 2022 г.) не изменились.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судебные постановления судов первой, апелляционной инстанций и кассационного суда общей юрисдикции приняты с существенными нарушениями норм материального права, вследствие чего отменила указанные судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ24-57-К2

12. Отсутствие у работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, в коллективном договоре, локальных нормативных актах, а также в трудовом договоре, заключенном с работником, осуществляющим трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, размера, условий и порядка компенсации ему расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно не может служить основанием для лишения этого работника установленной законом гарантии по выплате данной компенсации.

В указанном случае размер, условия и порядок выплаты компенсации определяются работодателем на основе баланса интересов сторон трудового договора с учетом целевого назначения такой компенсации, а также принимая во внимание реальные экономические возможности работодателя. Полный отказ в компенсации работнику его расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту

использования отпуска и обратно или неоправданное занижение размера такой компенсации недопустимы.

Л. 16 марта 2022 г. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю Н. о взыскании компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно, компенсации за задержку выплат, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований Л. указала, что работала у индивидуального предпринимателя Н. на основании трудового договора в качестве продавца-консультанта, местом ее работы являлся магазин, расположенный в районе Крайнего Севера (г. Петропавловск-Камчатский). 8 октября 2021 г. трудовой договор с Л. был прекращен по пункту 1 части первой статьи 77 ТК РФ (по соглашению сторон).

В период работы у индивидуального предпринимателя оплата стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно Л. работодателем не осуществлялась. На заявление от 22 октября 2021 г. о выплате ей такой компенсации Л. ответа от работодателя не получила.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Л. о взыскании с индивидуального предпринимателя Н. компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно за 2021 год, суд первой инстанции сослался на статьи 6, 8, 313, 325 ТК РФ и исходил из того, что льготы и компенсации для лиц, проживающих и работающих в районах Крайнего Севера, являются обеспечиваемыми государством гарантиями работникам независимо от того, с какими работодателями они состоят в трудовых отношениях, уровень этих гарантий и компенсаций установлен федеральным законом и не может быть снижен в зависимости от условий финансового обеспечения деятельности работодателей различных организационных форм. Локальные акты индивидуального предпринимателя Н., не предусматривающие компенсацию работникам расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно, ухудшают права и гарантии Л., установленные трудовым законодательством, и такие акты для регулирования спорного правоотношения применяться не могут, ввиду чего взыскал с индивидуального предпринимателя Н. в пользу Л. задолженность по оплате стоимости проезда к месту проведения отпуска и обратно в сумме 193 486,60 руб., компенсацию за задержку выплаты в размере 47 997,56 руб., компенсацию морального вреда в размере 35 000 руб. В удовлетворении остальной части исковых требований судом первой инстанции было отказано.

Суд апелляционной инстанции с изложенными выводами суда первой инстанции согласился, изменив решение в части размера взысканной с индивидуального предпринимателя Н. компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту проведения отпуска и обратно,

компенсации морального вреда, уменьшив их до 132 090 руб. и до 10 000 руб. соответственно. Решение суда первой инстанции в части взыскания с индивидуального предпринимателя Н. компенсации за задержку выплаты судом апелляционной инстанции отменено.

Кассационный суд общей юрисдикции решение суда первой инстанции в части, оставленной без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций, а также кассационного суда общей юрисдикции о взыскании с индивидуального предпринимателя Н. в пользу Л. компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно и компенсации морального вреда основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, а также сделанными с существенным нарушением норм процессуального права.

Частью восьмой статьи 325 ТК РФ предусмотрено, что размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в государственных органах субъектов Российской Федерации, территориальных фондах обязательного медицинского страхования, государственных учреждениях субъектов Российской Федерации, устанавливаются нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в органах местного самоуправления, муниципальных учреждениях, – нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, у других работодателей, – коллективными договорами, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения выборных органов первичных профсоюзных организаций, трудовыми договорами.

Из нормативных положений статей 313, 325 ТК РФ и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 2-П[2], следует, что гарантия в виде компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно предоставляется работникам, осуществляющим трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Предоставление такой гарантии работникам, осуществляющим трудовую деятельность в названных районах, имеющей целью обеспечение этим работникам возможности полноценного отдыха и оздоровления, не зависит от формы собственности и источника

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Г. Труновой».

финансирования работодателя (финансируемых из бюджета или не относящихся к бюджетной сфере). При этом размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату проезда и провоза багажа к месту проведения отпуска и обратно для лиц, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета, бюджета субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, устанавливаются соответственно федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами. Для работников, осуществляющих трудовую деятельность у других работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно определяются в коллективных договорах, локальных нормативных актах, в трудовых договорах.

Отсутствие у работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, в коллективном договоре, локальных нормативных актах, а также в трудовом договоре, заключенном с работником, размера, условий и порядка компенсации работникам расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно не может служить основанием для лишения работника, осуществляющего трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях у работодателя, не относящегося к бюджетной сфере и осуществляющего предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность, установленной законом гарантии по компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно.

При наличии спора между работником и работодателем, не относящимся к бюджетной сфере, о компенсации работнику расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно в ситуации, когда размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно коллективным договором, локальными нормативными актами или трудовым договором не определены, вопрос о размере, условиях и порядке выплаты названной компенсации необходимо разрешать с учетом конкретных обстоятельств дела, принимая во внимание, в частности, реальные экономические возможности работодателя, не относящегося к бюджетной сфере, продолжительность работы работника у такого работодателя, размер заработной платы работника, размер расходов работника на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно и другие значимые обстоятельства, соблюдая при этом баланс интересов работника, осуществляющего трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и его работодателя, не относящегося к бюджетной сфере и осуществляющего предпринимательскую и (или) иную экономическую деятельность на свой страх и риск. При этом полный отказ от компенсации работнику его расходов

на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно или неоправданное занижение такой компенсации недопустимы.

Суды первой и апелляционной инстанций положения статьи 325 ТК РФ к спорным отношениям применили неправильно, правовую позицию, содержащуюся в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 2-П, о необходимости соблюдения баланса интересов работников, осуществляющих трудовую деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и их работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, при определении работнику компенсации расходов на оплату проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно не учли, вследствие этого не установили юридически значимые обстоятельства для правильного разрешения спора по иску Л. к индивидуальному предпринимателю Н. о взыскании компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно и производных от этого иска требований.

Между тем в судах первой и апелляционной инстанций ответчиком – индивидуальным предпринимателем Н. приводились доводы о том, что Л. работала у нее менее одного года (с 14 декабря 2020 г. по 8 ноября 2021 г.), о выплате компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту проведения отпуска и обратно в период трудовых отношений не заявляла, какие-либо документы об оплате проезда работодателю не предъявляла, обратившись за выплатой такой компенсации только после увольнения с работы.

Этим доводам индивидуального предпринимателя Н., имеющим значение для правильного разрешения спора, в нарушение положений статей 67, 71, 194−198, 329 ГПК РФ какой-либо правовой оценки судами первой и апелляционной инстанций не дано, интересы работодателя при разрешении данного спора судами первой и апелляционной инстанций не были приняты во внимание, что привело к нарушению баланса интересов работника Л. при реализации ею гарантий, установленных статьей 325 ТК РФ, и работодателя – индивидуального предпринимателя Н., осуществляющего предпринимательскую деятельность на свой страх и риск.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также отметила, что, определяя размер подлежащей взысканию в пользу Л. с индивидуального предпринимателя Н. компенсации расходов на оплату проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно, суд апелляционной инстанции руководствовался Правилами компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в федеральных государственных органах, государственных внебюджетных фондах Российской Федерации, федеральных государственных учреждениях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и членов их семей, утвержденными постановлением

Правительства Российской Федерации от 12 июня 2008 г. № 455, что нельзя признать правомерным. Названные правила регулируют размер, порядок и условия выплаты такой компенсации работникам государственных органов и учреждений, то есть работникам организаций, относящихся к бюджетной сфере.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 60-КГ23-4-К9

Процессуальные вопросы

13. В случае участия гражданина, являющегося стороной по делу, в специальной военной операции, если он не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие, суд, в том числе кассационный суд общей юрисдикции, обязан приостановить производство по делу.

Общество обратилось в суд с иском к К. о возмещении ущерба, указав, что в дорожно-транспортном происшествии по вине К. был поврежден принадлежащий истцу автомобиль, в связи с чем истец просил взыскать с К. как с причинителя вреда разницу в сумме 1 136 100 руб. между страховым возмещением, выплаченным страховщиком, и фактическим размером ущерба, а также расходы на услуги эвакуатора в размере 3800 руб.

К. с требованиями истца не согласился, оспаривая свою вину в дорожно-транспортном происшествии.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 25 января 2021 г. произошло дорожно-транспортное происшествие с участием трех автомобилей, включая автомобиль под управлением К., в результате которого поврежден автомобиль, принадлежащий обществу.

Страховщик выплатил обществу страховое возмещение по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в порядке прямого возмещения убытков в размере 400 000 руб.

Посчитав сумму страхового возмещения недостаточной для полного возмещения ущерба, общество обратилось в суд с иском к К. как причинителю вреда о взыскании разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Решением суда исковые требования удовлетворены.

Изменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции признал обоюдную вину водителя К. и водителя автомобиля, принадлежащего обществу, определив степень вины водителя К. в 70 %, а другого водителя − в 30 %.

Не согласившись с указанными выше судебными актами, 25 мая 2023 г. К. обратился с кассационной жалобой в кассационный суд общей юрисдикции. 25 и 29 июня 2023 г. от его представителей поступили ходатайства о приостановлении производства по делу в связи с участием К. в специальной военной операции. К данным ходатайствам была приложена справка управления Росгвардии по субъекту Российской Федерации, в которой указано, что с 19 июня 2023 г. К. принимает участие в проводимой Российской Федерацией специальной военной операции.

Кассационный суд общей юрисдикции рассмотрел кассационную жалобу К. по существу без приостановления производства по делу, оставив апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала постановление кассационного суда общей юрисдикции вынесенным с нарушением норм процессуального права, отменила его и направила дело на новое кассационное рассмотрение в тот же кассационный суд общей юрисдикции, указав следующее.

В соответствии с абзацем четвертым статьи 215 ГПК РФ в редакции, действовавшей на момент вынесения кассационного определения[3], суд обязан приостановить производство по делу в случае участия гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, в проведении контртеррористической операции, призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, выполнения им задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, если такой гражданин не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

В абзаце десятом пункта 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» разъяснено, что в соответствии с главой 14 ГПК РФ в кассационном суде общей юрисдикции применяются общие нормы о приостановлении и прекращении производства по делу, предусмотренные главами 17 и 18 этого кодекса.

---

[3] Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» абзац четвертый статьи 215 ГПК РФ после слов «возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» дополнен словами «или войска национальной гвардии Российской Федерации» (пункт 1 статьи 16).

Из приведенной нормы процессуального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что при участии гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, а также в иных перечисленных выше случаях, суд, в том числе кассационный суд общей юрисдикции, обязан приостановить производство по делу, если только этот гражданин не заявит ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

По данному делу К. не только не заявлял такого ходатайства, но и через своих представителей ходатайствовал о приостановлении производства по делу в связи с его участием в специальной военной операции, выразив явное намерение лично участвовать в рассмотрении его кассационной жалобы.

При наличии данного ходатайства отказ суда в приостановлении производства мог повлиять на вынесение по делу законного судебного постановления.

Определение № 51-КГ24-1-К8

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Применение законодательства о юридических лицах

14. Сторона договора не вправе ссылаться на последующее одобрение сделки при ее исполнении, если она действовала недобросовестно, зная о заключении договора тем же представителем при отсутствии полномочий на совершение сделки.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о признании недействительными договоров купли-продажи земельных участков и применении последствий недействительности, ссылаясь на их заключение представителем в ущерб интересам общества (представляемого).

Суд первой инстанции удовлетворил иск на основании пункта 2 статьи 174 ГК РФ, указав, что договоры купли-продажи земельных участков заключены представителем общества с превышением полномочий в ущерб интересам юридического лица.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Суды исходили из того, что оспоренные сделки были одобрены представителем истца при заключении в последующем соглашения о зачете встречных требований, возникших из договоров купли-продажи земельных участков и иных сделок, что в силу пункта 5 статьи 166 ГК РФ влечет за собой невозможность истца ссылаться на недействительность данных договоров.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, по следующим основаниям.

Согласно пунктам 3, 4 статьи 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (пункт 5 статьи 166 ГК РФ).

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции сослался на противоречивость поведения истца, которая состояла в том, что истец в лице законного представителя, подписав соглашение о зачете требований, одобрил заключенные ранее сделки. С таким мотивом отказа в удовлетворении иска согласился арбитражный суд кассационной инстанции.

Однако при применении пункта 5 статьи 166 ГК РФ оценке подлежит добросовестность обеих сторон сделки. Эта норма защищает добросовестную сторону, поэтому подлежит применению тогда, когда доверие лица, вызванное поведением другой стороны, может быть признано разумным (оправданным).

В данном случае заключение соглашения о зачете не может расцениваться как поведение, подтверждающее действительность сделки по отчуждению имущества, поскольку названное соглашение заключено тем же представителем истца, что и оспариваемые договоры купли-продажи; при этом осведомленность ответчика об отсутствии у представителя права отчуждать недвижимое имущество без согласия участника общества не опровергается лицами, участвующими в деле. Отчуждение имущества по существенно заниженной цене и к тому же в пользу аффилированного лица не может не создавать разумных сомнений в том, что покупатель действовал добросовестно.

В свете изложенного покупатель был не вправе ссылаться на свою добросовестность, поскольку он сам не имел законных (правомерных) ожиданий действительности заключенных сделок, вызванных действиями представителя продавца.

Определение № 301-ЭС24-12858

15. При наличии сговора либо иных совместных действий между лицом, действующим от имени юридического лица, и другой стороной сделки факт причиненного договором ущерба является достаточным основанием для признания его недействительным в соответствии

с пунктом 2 статьи 174 ГК РФ вне зависимости от существенности причиненного ущерба.

Акционерное общество (далее также – общество), единственным участником которого являлось муниципальное образование, заключило с индивидуальным предпринимателем договор купли-продажи объектов недвижимого имущества, а на следующий день приняло их от предпринимателя по договору аренды.

Считая, что указанный договор купли-продажи совершен в ущерб интересам общества, администрация муниципального образования (далее – администрация) обратилась в арбитражный суд с иском о признании его недействительным на основании пункта 2 статьи 174 ГК РФ.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, отказал в удовлетворении требования. Суды исходили из того, что причиненный обществу ущерб не являлся существенным, поскольку занижение стоимости имущества при его отчуждении составило 24,57 %.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Из взаимосвязанных положений абзаца шестого пункта 1 статьи 65^2, пункта 2 статьи 174 ГК РФ и разъяснений, содержащихся в пункте 93 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», следует, что участник корпорации, в том числе акционер, вправе оспорить сделку, совершенную лицом, уполномоченным на совершение сделок от имени юридического лица, в частности лицом, которому доверено управление текущей деятельностью юридического лица (руководителем общества), если руководитель или иной представитель действовал в условиях конфликта интересов – к собственной выгоде или к выгоде третьих лиц.

Невыгодный для корпорации характер сделки, совершенной руководителем общества или иным представителем в условиях конфликта интересов (возникновение убытков у общества), предполагается, пока иное не будет доказано ответчиком, который должен подтвердить, что конфликт интересов не повлиял на совершение сделок и определение их условий.

Оценивая наличие сговора представителя с другой стороной сделки, направленного на причинение ущерба представляемому, суд не должен предъявлять чрезмерные требования к доказыванию факта сговора, который, как правило, носит скрытый характер и, соответственно, лишь в отдельных случаях может быть подтвержден прямыми (письменными) доказательствами, например приговором суда по уголовному делу.

При доказывании факта сговора для целей применения пункта 2 статьи 174 ГК РФ судом должна приниматься во внимание совокупность

косвенных доказательств, в том числе учитываться аффилированность представителя с другой стороной сделки и (или) стоящим за ней контролирующим лицом, включая имеющиеся между ними родственные или иные личные, корпоративные связи.

При рассмотрении данного дела администрация последовательно указывала, что в результате заключения оспариваемого договора акционерное общество лишилось производственно-складского комплекса, который обеспечивал отдельное направление его деятельности – строительство социально значимых объектов, без получения равноценного встречного предоставления. Для продолжения деятельности общество было вынуждено арендовать у покупателя указанный производственно-складской комплекс.

Доводы администрации о наличии аффилированности между покупателем и продавцом недвижимости и возможного сговора между руководителем акционерного общества, покупателем недвижимости и лицом, контролирующим покупателя недвижимости, не получили надлежащей оценки в судебных актах.

Кроме того, отчуждение недвижимого имущества, необходимого продавцу для выполнения своих уставных задач, с последующей передачей этого же имущества в аренду продавцу может расцениваться как недобросовестное поведение (злоупотребление правом) лиц, участвующих в заключении сделки.

При обстоятельствах, когда судом установлено, что единоличный исполнительный орган продавца при заключении договора купли-продажи действовал явно в ущерб последнему, а покупатель воспользовался этой ситуацией, в результате чего продавец утратил возможность использовать имущество, необходимое ему для осуществления основной деятельности, соответствующая сделка признается недействительной.

Суды ограничились ссылкой на то, что причиненный акционерному обществу ущерб не являлся существенным, поскольку занижение стоимости имущества при его отчуждении составило 24,57 %, то есть не являлось многократным. Однако такие выводы судов не могут быть признаны правомерными, поскольку в силу указанных положений пункта 2 статьи 174 ГК РФ и разъяснений при наличии сговора между лицами, участвовавшими в заключении договора, или при совершении ими иных совместных действий сам факт причиненного сделкой ущерба является достаточным основанием для признания ее недействительной вне зависимости от существенности причиненного ущерба.

Определение № 306-ЭС24-6321

16. При установлении действительной стоимости доли участника учитываются не только стоимость активов общества, но и имущественные потери, которые объективно возникли в деятельности

общества до момента направления участником требования о выкупе доли.

В связи с наличием запрета на отчуждение доли в уставном капитале общества третьим лицам участник общества обратился к обществу с требованием о выкупе принадлежащей ему доли в размере 33,33 % и выплате ее стоимости, которая согласно отчету об оценке составила 35 000 000 руб.

Общество, оценив стоимость доли, выплатило участнику 4 500 000 руб.

Не согласившись с размером выплаченной ему действительной стоимости доли, бывший участник общества обратился в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, удовлетворил требование истца. При определении действительной стоимости доли суды руководствовались заключением судебной экспертизы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Участники хозяйственного общества несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им долей (пункт 1 статьи 87 ГК РФ, пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), и это правило действует на всех этапах существования юридического лица, в том числе при его ликвидации или выходе участника из его состава, при принудительном выкупе доли обществом по требованию участника.

Следовательно, при выплате действительной стоимости доли выходящему участнику на последнего пропорционально его доле участия должны быть распределены, в том числе путем учета при определении размера выплаты, те имущественные потери, которые объективно возникли в деятельности хозяйственного общества до момента направления участником требования о выкупе доли.

Отступление от принципа пропорционального распределения расходов и убытков между участниками общего дела, в том числе в случае его ведения через форму общества с ограниченной ответственностью, в соответствии со статьей 1046 ГК РФ возможно только по соглашению участников, например путем установления соответствующих правил в уставе общества, но такое соглашение во всяком случае не может приводить к полному освобождению кого-либо из участников от обязанности по покрытию общих расходов или убытков общества.

Общество, возражая против требований истца, последовательно обращало внимание судов на то, что до направления участником требования о принудительном выкупе его доли произошел пожар в здании, которое являлось основным имущественным активом общества, в результате чего им

понесены значительные имущественные потери, что не было учтено при оценке стоимости доли на дату до возникновения пожара.

Определение действительной стоимости доли участника без принятия во внимание вышеназванных обстоятельств приводит к распределению убытков исключительно между теми лицами, которые сохранили свой статус участника. Однако истец как действующий участник общества на момент пожара также должен был принимать участие в покрытии расходов, возникших при ведении общего дела.

Поскольку действительная стоимость доли определена судами без учета имущественных потерь, в компенсации которых должен был участвовать истец, и вместо сопоставления объективных данных об обществе, о его активах и об обязательствах с содержанием заключения экспертов и сделанных ими выводов суды ограничились констатацией того, что экспертиза проведена в установленном порядке, дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС24-14865

Защита вещных прав

17. При регистрации перехода права собственности на долю в праве общей долевой собственности на объект недвижимости по соглашению об отступном должны быть представлены доказательства соблюдения права преимущественной покупки других участников долевой собственности.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с требованием к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Управление Росреестра) о признании незаконными решений о приостановлении и последующем отказе в государственной регистрации перехода права на долю в праве общей долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения по соглашению об отступном.

Суд первой инстанции, решение которого оставлено без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении требований отказал. Суды исходили из того, что при осуществлении государственной регистрации перехода права на основании соглашения об отступном, в качестве которого передается доля в праве общей долевой собственности на земельный участок, подлежат установлению обстоятельства, связанные с соблюдением прав иных сособственников на преимущественное приобретение такой доли. Поскольку на регистрацию не были представлены документы, подтверждающие отказ остальных участников долевой собственности от покупки доли или сведения об извещении других собственников об отчуждении доли, суды признали оспариваемые решения Управления Росреестра законными.

Суд кассационной инстанции отменил принятые судебные акты, требования удовлетворил. Суд исходил из действительности соглашения об отступном и наличия специального средства защиты лиц, обладающих преимущественным правом покупки, в случае нарушения правил статьи 250 ГК РФ – иск о переводе прав и обязанностей покупателя. При этом данные лица лишены возможности им воспользоваться до государственной регистрации права в отношении спорного земельного участка, предоставленного в качестве отступного кредитору.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации постановление суда кассационной инстанции отменила, оставила без изменения судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

Передача имущества в собственность по соглашению об отступном в обмен на получение денежных средств по договору займа является распоряжением имуществом в виде его возмездного отчуждения. В связи с этим в таком случае, как и при купле-продаже, подлежат соблюдению правила ГК РФ о преимущественном праве покупки (статья 250 ГК РФ, пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6).

При этом в силу разъяснений, приведенных в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6, соглашение об отступном может предусматривать предоставление отступного как непосредственно в момент заключения такого соглашения, так и в будущем. Если моменты заключения соглашения и предоставления отступного не совпадают, между сторонами возникает факультативное обязательство, по которому должник вправе исполнить первоначальное обязательство или предоставить отступное, которое кредитор обязан принять (статьи 308^2, 406, 409 ГК РФ).

Следовательно, факт регистрации перехода права собственности влияет именно на прекращение обязательства предоставлением отступного. Однако право преимущественной покупки считается нарушенным в том числе до исполнения заключенного соглашения об отступном при неуведомлении иных сособственников об отчуждении доли постороннему лицу. В результате применения специального средства защиты в виде перевода прав и обязанностей покупателя происходит замена именно стороны по договору, а не автоматический переход вещного права.

При этом в пункте 40 части 1 статьи 26 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о регистрации) в качестве основания для приостановления регистрации названо отсутствие документов, подтверждающих отказ остальных участников долевой собственности от

покупки доли, и неистечение месячного срока со дня извещения продавцом доли остальных участников долевой собственности, за исключением случаев продажи доли в праве общей собственности на основании сделок, совершенных в нотариальной форме. В силу части 7 статьи 26 Закона о регистрации государственная регистрация приостанавливается до истечения одного месяца со дня извещения продавцом доли остальных участников долевой собственности.

Таким образом, несмотря на то, что сделка, заключенная в нарушение правил о преимущественном праве покупки, является, по общему правилу, действительной (если иное не предусмотрено законом), регистратору предоставлено право проверять соблюдение указанных правил.

При изложенных обстоятельствах в отсутствие документов, подтверждающих отказ остальных участников долевой собственности от покупки доли, и сведений об извещении других собственников об отчуждении доли отказ уполномоченного органа в совершении регистрационного действия является законным.

Определение № 310-ЭС24-9039

Применение законодательства о недрах

18. Требования о ликвидации и консервации горных выработок, буровых скважин и иных сооружений, связанных с пользованием недрами, могут быть предъявлены в течение 20 лет.

Административный орган выдал обществу лицензию на право пользования недрами.

Впоследствии департамент строительства досрочно прекратил действие лицензии, обязав общество провести мероприятия по консервации горной выработки, предусмотренные статьями 22, 26 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-I «О недрах» (далее – Закон о недрах).

В связи с неисполнением обществом данного обязательства уполномоченный орган обратился в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказано. Суды пришли к выводу о пропуске срока исковой давности, предусмотренного статьей 196 ГК РФ, в связи с обращением уполномоченного органа в суд по истечении 11 лет.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Из смысла статей 9, 22, 26, 28 Закона о недрах следует, что обязанность по ликвидации или консервации объекта недропользования сохраняется за пользователем недр до полного исполнения (в том числе при досрочном

прекращении права пользования недрами), поскольку направлена на обеспечение безопасности жизни и здоровья населения, охрану окружающей среды, сохранность не только зданий и сооружений, связанных с пользованием недрами, но и месторождений, горных выработок, буровых скважин, то есть имеет, помимо прочего, превентивную цель – предупреждение возникновения вреда в будущем (например, вскрытое полезное ископаемое может прийти в негодность вследствие воздействия внешней среды, а незаконсервированные горные выработки могут создавать опасность для населения расположенных рядом поселений).

При этом Закон о недрах не содержит норм, регулирующих срок, в течение которого может быть предъявлено требование об обязании произвести консервацию объекта недропользования.

В отличие от норм Земельного, Лесного и Водного кодексов Российской Федерации, которые прямо отсылают к гражданскому законодательству в части регулирования имущественных отношений, законодательство о недрах такого упоминания не содержит. Следовательно, спорные правоотношения, вытекающие из законодательства о недрах, носят публично-правовой характер, поэтому нормы гражданского законодательства, регулирующие исковую давность, по общему правилу, неприменимы к указанным правоотношениям.

Однако это не означает, что подобное требование может быть предъявлено в течение не ограниченного никакими рамками срока. Такой подход означал бы нарушение принципа правовой определенности и гарантии обеспечения стабильности гражданского оборота.

В соответствии с пунктом 3 статьи 78 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон № 7-ФЗ) иски о возмещении вреда, причиненного окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований, могут быть предъявлены в течение 20 лет.

Учитывая, что недра являются компонентом природной среды (статья 1 Закона № 7-ФЗ), а мероприятия по консервации объекта недропользования направлены непосредственно на предупреждение причинения вреда окружающей среде, к спорным правоотношениям по аналогии закона подлежат применению правила пункта 3 статьи 78 Закона № 7-ФЗ.

Таким образом, вывод судов трех инстанций о пропуске срока исковой давности является ошибочным, как основанный на неправильном применении норм права.

Определение № 308-ЭС24-3980

19. Наличие действующей лицензии на пользование недрами не является препятствием для удовлетворения требования о возврате земельного участка арендодателю в случае расторжения договора

аренды земельного участка в связи с существенным нарушением недропользователем его условий.

Уполномоченный орган и общество заключили договор аренды земельных участков из земель промышленности для целей ведения открытых горных работ.

В связи с неисполнением обществом обязательства по оплате задолженности по арендной плате уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с требованиями о взыскании суммы задолженности, расторжении договора и об обязании возвратить земельные участки.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено в части обязания общества возвратить земельные участки. В указанной части в удовлетворении требования отказано.

Суд пришел к выводу, что при наличии у общества действующей лицензии на пользование недрами требование уполномоченного органа об освобождении земельных участков, несмотря на обстоятельства расторжения договора аренды, будет свидетельствовать о нарушении его прав как недропользователя, осуществляющего деятельность в соответствии с предоставленной лицензией и в пределах срока ее действия.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отказа в удовлетворении требования о возврате земельных участков и оставила в силе в указанной части решение суда первой инстанции в связи со следующим.

Из анализа положений статьи 7, части 1 статьи 25^1 Закона о недрах и пункта 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее также – ЗК РФ) следует, что горный отвод и земельный участок над ним – это самостоятельные объекты права и, имея право на пользование недрами в границах определенного горного отвода, обладатель лицензии не наделен правом владения, пользования, распоряжения земельными участками, расположенными в этих границах.

В связи с этим лицензия на пользование недрами является лишь основанием для последующего оформления земельного участка в целях недропользования при соблюдении определенных условий и требований, а не документом, подтверждающим правомочия владения, пользования и распоряжения земельным участком, расположенным в границах горного отвода.

Следовательно, наличие у общества права на осуществление в границах горного отвода пользования недрами не отменяет установленный законом порядок предоставления земельного участка в аренду, а также требований о

соблюдении условий договора аренды.

В силу статьи 25^2 Закона о недрах прекращение прав граждан и юридических лиц на земельные участки и водные объекты, необходимые для ведения работ, связанных с пользованием недрами, осуществляется в соответствии с гражданским, земельным, водным законодательством и Законом о недрах.

Недропользователь, приобретая права на земельный участок, необходимый для использования участка недр, вступает в земельные правоотношения и начинает реализовывать права и нести обязанности в том числе как арендатор земельного участка.

Согласно статье 46 ЗК РФ аренда земельного участка прекращается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены гражданским законодательством.

В данном случае основанием для расторжения договора аренды послужило требование арендодателя, мотивированное фактом нарушения обществом его условий, а именно невнесение арендной платы более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа (пункт 3 части 1 статьи 619 ГК РФ). В силу положений части первой статьи 622 ГК РФ при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором.

Специальных гарантий сохранения договора аренды в силе, несмотря на неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора арендатором-недропользователем, в действующем законодательстве не предусмотрено.

Поскольку договор аренды прекратил свое действие в связи с его расторжением в судебном порядке, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о наличии у общества предусмотренной законом обязанности по возврату земельных участков арендодателю. Обратный подход противоречит вышеуказанным нормам права, создает дисбаланс между публичным и частным интересом, нарушает принципы правовой определенности и уважения собственности, а также создает преимущества для недобросовестных участников гражданских правоотношений, что является недопустимым.

Определение № 304-ЭС24-12917

Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

20. В случае оспаривания регистрации обозначения в качестве товарного знака ввиду тождества или сходства до степени смешения с фирменным наименованием, право на которое у иного лица возникло ранее даты приоритета товарного знака, необходимо подтверждать

использование фирменного наименования в отношении однородных товаров самим его обладателем.

Завод обратился в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) с возражением против предоставления правовой охраны товарному знаку, указывая на его сходство с произвольной частью своего сокращенного фирменного наименования, используемого задолго до даты приоритета товарного знака для индивидуализации деятельности.

Роспатент отказал в удовлетворении возражения, исходя из отсутствия доказательств, свидетельствующих о фактическом осуществлении лично заводом деятельности, которая могла бы признаваться однородной по отношению к товарам оспариваемой регистрации. Предоставление иным лицам лицензии, предусматривающей использование обозначения, воспроизводящего фирменное наименование (отдельных его элементов) правообладателя, не является использованием фирменного наименования.

Считая решение Роспатента незаконным, завод обратился в Суд по интеллектуальным правам с заявлением о признании этого решения недействительным.

Суд по интеллектуальным правам отказал в удовлетворении заявления.

Президиум Суда по интеллектуальным правам отменил решение суда, заявление завода удовлетворил, сделав вывод о том, что деятельность лицензиатов может быть принята во внимание в целях применения пункта 8 статьи 1483 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума Суда по интеллектуальным правам и оставила в силе решение Суда по интеллектуальным правам, указав следующее.

При оспаривании регистрации товарного знака на соответствие пункту 8 статьи 1483 ГК РФ для разрешения вопроса о возможности учитывать деятельность, осуществляемую не только самим правообладателем, но и связанными с ним хозяйствующими субъектами, необходимо исходить из недопущения смешения между индивидуализирующими функциями товарного знака и фирменного наименования.

В силу пункта 1 статьи 1477 ГК РФ товарный знак служит для индивидуализации товара, а не для целей отграничения одного участника гражданского оборота от других. Функцию индивидуализации конкретной коммерческой организации в глазах рядовых потребителей по смыслу положений статей 1473, 1474 ГК РФ выполняет фирменное или сокращенное фирменное наименование.

Существенным отличием от других средств индивидуализации, которое воздействует на построение системы правовой охраны фирменного наименования, является то, что в содержание исключительного права на фирменное наименование не входит распорядительное правомочие.

Прямое указание в пункте 2 статьи 1474 ГК РФ на запрет распоряжения исключительным правом на фирменное наименование отвечает природе этого средства индивидуализации, неразрывно связанного с определенным юридическим лицом.

Поскольку исключительное право на фирменное наименование является непередаваемым и неотчуждаемым, действующее законодательство не предусматривает правовых оснований, санкционирующих квалификацию действий третьих лиц по применению обозначения, воспроизводящего фирменное наименование (отдельных его элементов) правообладателя, в качестве способа использования соответствующего средства индивидуализации по правилам пункта 1 статьи 1474 ГК РФ.

Указание на чужое фирменное наименование (применительно к рассматриваемому спору – «произведено по лицензии завода») находится за рамками реализации права на фирменное наименование и представляет собой простое извещение неопределенного круга лиц о присутствии на рынке соответствующей продукции, производимой под контролем правообладателя.

Признак реализации исключительного права на товарный знак включает в себя два элемента: осуществление права и распоряжение им. В связи с этим согласно пункту 2 статьи 1486 ГК РФ при решении вопроса о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования могут быть приняты во внимание доказательства того, что товарный знак используется третьими лицами на основании лицензионного договора под контролем правообладателя. Вместе с тем ГК РФ не разделяет случаи использования фирменного наименования самим правообладателем и лицензиатом, соотнося с учетом системного толкования вышеназванных норм осуществление права на фирменное наименование исключительно с самостоятельными действиями правообладателя.

Таким образом, деятельность лицензиатов завода не может быть принята во внимание для целей применения положений пункта 8 статьи 1483 ГК РФ.

Возникновения права на сокращенное фирменное наименование задолго до подачи заявки на регистрацию спорного обозначения в качестве товарного знака недостаточно для признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку.

Отсутствие в материалах дела доказательств использования фирменного наименования заводом при осуществлении видов деятельности или в отношении идентичных товаров, как правомерно посчитал суд первой инстанции, позволило Роспатенту обоснованно отказать в аннулировании регистрации товарного знака со ссылкой на положения пункта 8 статьи 1483 ГК РФ.

Определение № 300-ЭС24-12173

Применение законодательства о страховании

21. Условия договора страхования имущества, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

Между обществом и страховой организацией заключен договор страхования имущества. По условиям договора страховым случаем признается гибель, утрата или повреждение застрахованного имущества, произошедшие в результате в том числе воздействия огня. Договором также предусмотрено, что не признаются застрахованными случаи утраты, гибели, повреждения застрахованного имущества, если их непосредственной причиной явилось нарушение страхователем установленных законом и (или) иными нормативными актами в том числе норм пожарной безопасности, а также случаи утраты, гибели, повреждения застрахованного имущества, вызванные прямо или косвенно применением химических материалов.

19 ноября 2021 г. в принадлежащем обществу здании произошел пожар, в результате которого часть застрахованного имущества была уничтожена. Пожарно-технической экспертизой установлено, что наиболее вероятной причиной возникновения пожара стало возгорание горючих материалов в зоне очага пожара в результате химического самовозгорания.

Страхователь обратился в страховую организацию с заявлением о страховой выплате. Страховая организация отказала в удовлетворении заявления по причине того, что не являются застрахованными случаи гибели застрахованного имущества, вызванные применением химических материалов.

Отказ в выплате страхового возмещения явился основанием для обращения страхователя в арбитражный суд с соответствующим требованием.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

В силу разъяснений, приведенных в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» (далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19), условия договора определяются по усмотрению сторон договора страхования имущества и могут включать перечень случаев, не являющихся страховыми (статья 421 ГК РФ).

Однако необходимо разграничивать исключения из страхового покрытия (из числа страховых случаев) и основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

По смыслу статьи 929 ГК РФ, статьи 9 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации» под страховым случаем понимается именно объективное событие, относящееся, в частности, к событиям внешнего мира либо к действиям (бездействию) лиц, не являющихся участниками страховых отношений. В то же время совершение страхователем действий, способствовавших наступлению страхового случая, может послужить основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Законом могут быть предусмотрены случаи освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения по договорам имущественного страхования при наступлении страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя (абзац второй пункта 1 статьи 963 ГК РФ).

Таким образом, учитывая, что сформулированные в договоре оговорки об исключении из страхового покрытия связаны с действиями самого страхователя и установлением его вины, под видом исключения из перечня страховых случаев в данном деле согласованы дополнительные основания освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения.

Однако положения действующего законодательства не предусматривают в подобных случаях освобождение страховщика от обязанности по выплате возмещения. Более того, нормы ГК РФ содержат императивное указание на то, что освобождение страховщика от обязанности по выплате страхового возмещения возможно, только если это прямо предусмотрено законом (абзац второй пункта 1 статьи 963 ГК РФ).

Следовательно, соответствующие оговорки, освобождающие страховщика от выплаты страхового возмещения в случае наступления страхового случая вследствие неосторожных действий (бездействия) страхователя, являются ничтожными.

В рассматриваемом деле судами не установлено, что спорное событие наступило вследствие умысла страхователя. Напротив, с учетом результата судебной экспертизы суды исходили из того факта, что произошедшее событие стало следствием работы электрооборудования в аварийном режиме, что не свидетельствует о намеренном игнорировании страхователем правил пожарной безопасности.

Страховая компания, выступая профессиональным участником рынка страхования и экономически более сильной стороной данных правоотношений, посредством включения в полис-оферту упомянутых оговорок фактически минимизирует свой предпринимательский риск, связанный с выплатой страхового возмещения, ставя возможность выплаты страхового возмещения в зависимость от любых действий страхователя,

а не от факта наступления страхового случая как объективно произошедшего события.

Определив огонь и пожар страховыми случаями, страховщик включил в раздел «Оговорки» такое количество причин, по которым выплата страхового возмещения невозможна в результате различного рода явлений и действий лица, их совершившего, независимо от формы его вины, что страховой случай переведен из разряда события (факта) в разряд условий, освобождающих от ответственности, что не соответствует положениям статей 929, 963 ГК РФ и разъяснениям, содержащимся в пункте 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19.

С учетом изложенного вывод судов об обоснованности отказа страховщика в выплате страхового возмещения является ошибочным.

Определение № 306-ЭС24-19744

Применение законодательства в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд

22. Использование воздушных судов государственной авиации в отсутствие сертификата (свидетельства) эксплуатанта допустимо только в целях осуществления функций государства и обеспечения решения государственных задач, указанных в пункте 1 статьи 22 Воздушного кодекса Российской Федерации.

По результатам проведенного учреждением электронного аукциона на оказание авиационных услуг победителем закупки признан авиационный клуб общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» (далее – авиационный клуб), с которым заключен соответствующий контракт.

В ходе проверки антимонопольным органом установлено несоответствие заявки победителя аукциона требованиям аукционной документации, поскольку в ней отсутствует действующий сертификат (свидетельство) эксплуатанта на выполнение лесоавиационных работ.

Решением антимонопольного органа действия аукционной комиссии учреждения признаны нарушающими часть 6 статьи 69 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее также – Закон № 44-ФЗ).

Считая решение антимонопольного органа незаконным, учреждение обратилось в арбитражный суд с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда отменено, требование учреждения удовлетворено.

Отменяя принятые судебные акты и отказывая в удовлетворении заявленного требования, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на следующее.

Из положений пункта 3 статьи 8, пункта 4 статьи 61, пункта 1 статьи 66 и пункта 1 статьи 67 Воздушного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) следует, что наличие сертификата (свидетельства) эксплуатанта является обязательным требованием действующего воздушного законодательства. Исключение составляют только случаи использования воздушного судна в целях, определенных для государственной авиации и (или) экспериментальной авиации, а также при использовании отдельных классов воздушных судов в авиации общего назначения.

Гражданская авиация, не используемая для осуществления коммерческих воздушных перевозок и выполнения авиационных работ, относится к авиации общего назначения (пункты 1 и 3 статьи 21 ВК РФ).

Поскольку в спорном случае для авиационного клуба закупка носила коммерческий характер и предполагала производство авиационных работ, то, независимо от типа используемого воздушного судна, она не могла быть отнесена в конкретном случае к категории использования авиации общего назначения, когда бы не требовалось наличие соответствующего сертификата.

Суды указали, что фактически воздушное судно и аэродром регионального отделения авиационного клуба находятся в реестрах судов и аэродромов государственной авиации. Данных, свидетельствующих о регистрации в реестре судов гражданской авиации воздушного судна − самолета типа Ан-2т, предложенного к оказанию услуг авиационным клубом, не имеется.

Вместе с тем судами не учтено, что использование воздушных судов государственной авиации в отсутствие сертификата (свидетельства) эксплуатанта допустимо только в целях осуществления функций государства и обеспечения решения государственных задач, указанных в пункте 1 статьи 22 ВК РФ, что не соотносится с предметом и формой проводимой закупки.

Участие авиационного клуба в электронном аукционе и осуществление лесоавиационных работ по заданию заказчика не было обусловлено решением в особом порядке государственных задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения безопасности людей на водных объектах и пожарной безопасности.

В силу статей 8, 21, 36, 61, 114 ВК РФ и пункта 1 постановления Правительства Российской Федерации от 30 июля 1999 г. № 862 «Об использовании государственной и экспериментальной авиации

в коммерческих целях» авиационные работы в коммерческих целях, в том числе лесоавиационные работы, выполняются на гражданских воздушных судах, имеющих сертификаты летной годности, лицами, имеющими сертификаты эксплуатантов.

Таким образом, выполнение авиационных работ за плату разрешено любым лицам при одновременном соблюдении двух условий: использование гражданских воздушных судов и наличие сертификата (свидетельства) эксплуатанта.

Поскольку предусмотренные закупочной документацией виды работ могут выполняться только с соблюдением требований воздушного законодательства Российской Федерации, в том числе о наличии сертификата эксплуатанта у лица, осуществляющего такие работы, требование, установленное в документации, о наличии действующего сертификата эксплуатанта на выполнение авиационных работ подлежит исполнению всеми участниками аукциона.

Следовательно, на авиационный клуб распространяются все требования, предусмотренные законодательством и техническим заданием документации об аукционе для исполнителя услуг воздушными судами гражданской авиации, в том числе о наличии сертификата (свидетельства) эксплуатанта воздушных судов, который у него как участника закупки отсутствует.

В связи с изложенным антимонопольный орган пришел к обоснованному выводу об отсутствии у аукционной комиссии учреждения правовых оснований для признания заявки данного участника соответствующей требованиям аукционной документации.

Определение № 305-ЭС24-13385

23. Представление участником закупки по капитальному ремонту автомобильной дороги договора субподряда в качестве подтверждения наличия опыта выполнения работ не свидетельствует о соблюдении требований, установленных Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Для участия в конкурсе на осуществление капитального ремонта автомобильной дороги подано две заявки, в том числе заявка общества.

Конкурсная комиссия уполномоченного органа администрации города отклонила заявку общества на основании пункта 3 части 12 статьи 48 Закона № 44-ФЗ, поскольку в качестве подтверждения наличия опыта выполнения работ по капитальному ремонту общество представило договор субподряда на выполнение работ по капитальному ремонту объекта в рамках исполнения муниципального контракта.

Решением антимонопольного органа жалоба общества на действия администрации города по отклонению его заявки признана обоснованной.

Не согласившись с указанным решением антимонопольного органа, администрация города обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования администрации города, указав следующее.

Частью 4 статьи 31 Закона № 44-ФЗ предусмотрено, что в случае установления Правительством Российской Федерации в соответствии с частью 2 статьи 31 этого закона дополнительных требований к участникам закупок заказчики при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) обязаны устанавливать такие дополнительные требования.

Дополнительные требования, а также перечень документов, подтверждающих соответствие участников закупки таким требованиям, установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» (далее – постановление Правительства № 2571).

Согласно пункту 2 позиции 17 приложения к данному постановлению в случае проведения закупки на выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту автомобильной дороги к участникам закупки необходимо установить дополнительные требования о наличии опыта по исполнению договора, предусматривающего выполнение работ по капитальному ремонту автомобильной дороги, который должен быть подтвержден исполненным договором и актом выполненных работ, подтверждающим цену выполненных работ.

Абзацем 6 подпункта «б» пункта 3 постановления Правительства № 2571 установлено, что договором, предусмотренным в том числе пунктом 2 позиции 17 приложения в графе «Дополнительные требования к участникам закупки», считается контракт, заключенный и исполненный в соответствии с Законом № 44-ФЗ, либо договор, заключенный и исполненный в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Из системного толкования поименованных норм следует вывод о том, что результат работ субподрядчика должен соответствовать условиям договора, заключенного между генеральным подрядчиком и субподрядчиком,

а не государственному или муниципальному контракту, тогда как генеральный подрядчик несет ответственность перед заказчиком за выполнение работ, независимо от привлечения им субподрядчиков.

Таким образом, лицо, выполнявшее в качестве субподрядчика строительно-монтажные работы на объекте капитального строительства, не может являться лицом, имеющим опыт строительства (реконструкции) объекта капитального строительства в совокупном объеме возникающих обязательств.

С учетом изложенного у конкурсной комиссии уполномоченного органа администрации города имелись основания для отклонения заявки общества на участие в конкурсе на проведение капитального ремонта автомобильной дороги в связи с неподтверждением соответствующего опыта работ.

Определение № 302-ЭС24-20018

Применение законодательства о налогах и сборах

24. Проценты, полученные заимодавцем по договору займа, не являются объектом налогообложения при исчислении налога на профессиональный доход.

Между обществом в лице генерального директора (далее также – заемщик) и генеральным директором (далее также – заимодавец) заключен договор займа, в соответствии с которым обществу предоставлен заем с процентной ставкой.

Налоговым органом установлено, что с момента заключения договора займа общество, выступая налоговым агентом заимодавца, уплачивало с полученных заимодавцем процентов по договору займа налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) по ставке 13 %.

Начиная с 1 января 2021 г. в отношении доходов, полученных в виде процентов по указанному договору займа, заимодавец осуществлял уплату налога на профессиональный доход (далее – НПД), соответственно, удержание и уплата обществом как налоговым агентом сумм НДФЛ с сумм выплаченных заимодавцу процентов по договору займа были прекращены.

По результатам проверки налоговым органом вынесено решение о доначислении обществу сумм НДФЛ и привлечении его к ответственности за совершение налогового правонарушения с назначением наказания в виде штрафа в связи с необоснованным неотражением обществом в налоговой декларации по НДФЛ за отчетный период дохода и неисчислении (неуплатой) в бюджет НДФЛ с сумм выплаченных заимодавцу процентов по договору займа.

Не согласившись с указанным решением налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленное требование удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявления общества, отметив следующее.

Объект НПД определен в части 1 статьи 6 Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон № 422-ФЗ) как доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). Часть 2 указанной статьи содержит перечень доходов, которые для целей данного федерального закона не признаются объектом налогообложения.

Таким образом, из взаимосвязанных положений частей 1 и 2 статьи 6 Закона № 422-ФЗ следует, что объектом НПД может быть признан не любой доход, который не указан в части 2 статьи 6 этого закона, но лишь тот, который получен исключительно от деятельности, поименованной в части 1 той же статьи.

Следовательно, при разрешении вопроса об уплате НПД необходимо установить правовую природу дохода от действий, квалифицированных налоговым агентом и непосредственно налогоплательщиком как реализация товаров (работ, услуг, имущественных прав). Иной подход приведет к игнорированию указанных выше норм Закона № 422-ФЗ, целей его принятия, а также к недопустимому смешению нормативного регулирования НПД и НДФЛ.

В рассматриваемом деле спор связан с правовой квалификацией процентов, полученных по договору займа, в рамках отношений по уплате НПД.

Из определения дохода в виде процентов, данного в пункте 3 статьи 43 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), следует, что доходы в виде процентов по договору займа подлежат отнесению к пассивному доходу – они не связаны с активной деятельностью лица, получающего доход, в том понимании, в каком определение такой деятельности содержится в нормах НК РФ.

Следовательно, правоотношения, основанные на договорах займа, не имеют признаков оказания услуг либо передачи имущественных прав. Указанный вывод согласуется с определением понятия услуги, закрепленным в пункте 5 статьи 38 НК РФ, в соответствии с которым услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности.

Таким образом, поскольку при передаче денежных средств по договору займа не происходит реализации товаров, работ, услуг или имущественных прав, проценты, полученные заимодавцем, не могут быть квалифицированы в

качестве дохода от реализации и, следовательно, не являются объектом НПД, определенным в части 1 статьи 6 Закона № 422-ФЗ.

С учетом изложенного выводы судов трех инстанций относительно правовой квалификации спорного дохода в виде процентов, полученных по договору займа, являются ошибочными.

В силу подпункта 1 пункта 1 статьи 208 НК РФ проценты, полученные от российской организации, признаются доходом от источников в Российской Федерации для целей обложения НДФЛ. Организация-заемщик, производящая выплату дохода в виде процентов по договору займа в пользу физического лица – заимодавца, признается налоговым агентом и обязана исчислить, удержать и перечислить в бюджет соответствующую сумму НДФЛ.

Следовательно, является верным вывод налогового органа, в соответствии с которым общество в проверяемом периоде выступало в качестве налогового агента и несло бремя обязанности по удержанию и перечислению в бюджет суммы НДФЛ за генерального директора с сумм полученного им дохода по договору займа.

Определение № 305-ЭС24-14436

25. Налогоплательщики, осуществляющие деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности и включенные в соответствующий реестр в течение 2022 года, могут применять пониженные тарифы по страховым взносам с начала налогового периода 2022 года, то есть с 1 января 2022 г.

Обществом в налоговый орган представлены уточненные расчеты по страховым взносам за 3, 6, 9 месяцев 2022 года с применением пониженных тарифов на основании подпункта 8 пункта 2 статьи 427 НК РФ.

По результатам камеральных налоговых проверок указанных расчетов налоговым органом приняты решения, согласно которым обществу доначислены страховые взносы за названные периоды. Основанием для вынесения решений послужил установленный налоговым органом факт занижения базы по страховым взносам в проверяемых периодах в связи с неправомерным применением пониженных тарифов.

Не согласившись с решениями налогового органа, общество оспорило их в судебном порядке.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды пришли к выводу, что поскольку общество включено в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности (далее также – реестр), 28 сентября 2022 г., то оно было вправе применять пониженные тарифы страховых взносов, предусмотренные

подпунктом 8 пункта 2 статьи 427 НК РФ, только с 1 сентября 2022 г., то есть с месяца включения общества в реестр, а потому применение им пониженных тарифов с 1 января 2022 г. является неправомерным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила требования общества в связи со следующим.

В соответствии с подпунктом 8 пункта 2 статьи 427 НК РФ для плательщиков, указанных в подпункте 18 пункта 1 статьи 427 НК РФ, в течение 2021 и 2022 годов устанавливаются предельные величины базы для исчисления страховых взносов.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ) в подпункт 18 пункта 1 статьи 427 НК РФ внесены изменения, согласно которым пониженные тарифы применяются для российских организаций, которые включены в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности, формирование и ведение которого осуществляются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере промышленного и оборонно-промышленного комплексов. Действие положений статьи 427 НК РФ (в редакции Закона № 323-ФЗ) распространяется на правоотношения, возникшие с 1 января 2022 г.

По смыслу положений подпункта 3 пункта 1 статьи 21, пункта 1 статьи 56 НК РФ при предоставлении налоговых льгот должен быть обеспечен равный подход – условия применения льгот должны толковаться и применяться таким образом, чтобы дифференциация прав налогоплательщиков осуществлялась по объективным и разумным критериям, отвечающим цели соответствующих законоположений.

Обеспечение равного доступа к мерам государственной поддержки, предоставляемым в том числе в виде налоговых льгот (пониженных тарифов страховых взносов) в ситуации, когда соответствующим законодательным положениям придается обратная сила, предполагает, что возможность реализации соответствующего права должна быть предоставлена лицам, которые объективно отвечают установленным критериям для применения льготы с учетом ретроспективного возникновения права на ее применение.

В спорной правовой ситуации законодателем не предусмотрено исключений относительно вопроса начала действия редакции статьи 427 НК РФ.

Внесение в НК РФ изменений в условия предоставления льготы по страховым взносам и придание названным нормам НК РФ обратной силы свидетельствуют о намерении законодателя ввести переходные положения, позволяющие налогоплательщикам, отвечающим условиям применения пониженного тарифа, быть включенными в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности,

в течение 2022 года и иметь право на применение пониженного тарифа страховых взносов с 1 января 2022 г.

Таким образом, внесение в соответствии с Законом № 323-ФЗ изменений в НК РФ свидетельствует о дополнительном стимулировании развития отрасли, повышении ее конкурентоспособности, что позволяет российским радиоэлектронным предприятиям из специального реестра платить пониженные ставки по страховым взносам и налогу на прибыль организаций. Распространяя действие статьи 427 НК РФ на начало 2022 года, законодатель тем самым улучшил положение плательщиков, предоставив им возможность применения льготы вне зависимости от момента включения общества в течение 2022 года в реестр организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности.

Следовательно, факт включения общества в реестр 28 сентября 2022 г. не имеет определяющего значения для получения права на льготу с начала налогового периода 2022 года, поскольку такое право закреплено в соответствующих положениях Закона № 323-ФЗ.

Определение № 305-ЭС24-15059

Оспаривание ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов

26. Негосударственная медицинская организация, осуществляющая деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, является объектом внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, проводимого органами Федерального казначейства.

Негосударственной медицинской организацией (далее также – медицинская организация) за счет средств обязательного медицинского страхования (далее – ОМС) заключены договоры страхования имущества (зданий), договоры на услуги по предоставлению части фасадов многоквартирных домов для размещения рекламных конструкций, а также произведены оплата услуг по телемаркетингу и платежи за аренду помещения, фактически не используемого медицинской организацией.

По результатам проверки органом Федерального казначейства вынесено представление, которым на медицинскую организацию возложена обязанность по возврату в бюджет территориального фонда ОМС субъекта Российской Федерации средств ОМС, не включенных в структуру тарифа на оплату медицинской помощи в рамках базовой программы ОМС.

Не согласившись с указанным представлением, медицинская организация оспорила его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда отменено, требования медицинской организации удовлетворены.

Суды исходили из того, что негосударственная медицинская организация не является объектом внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля и, соответственно, орган Федерального казначейства не был вправе осуществлять в отношении ее внутренний государственный финансовый контроль.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции, придя к следующим выводам.

Согласно статье 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) внутренний государственный (муниципальный) финансовый контроль является контрольной деятельностью Федерального казначейства, органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся исполнительными органами субъектов Российской Федерации (органами местных администраций).

В соответствии с абзацем десятым пункта 1 статьи 266^1 БК РФ объектами государственного финансового контроля являются исполнители по договорам (соглашениям), заключенным в целях исполнения договоров (соглашений) о предоставлении средств из соответствующего бюджета.

Частью 1 статьи 6 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – Закон об ОМС) к полномочиям Российской Федерации в сфере ОМС, переданным для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации, относится организация ОМС на территориях субъектов Российской Федерации в соответствии с требованиями, установленными Законом об ОМС.

Частью 2 статьи 6 Закона об ОМС установлено, что финансовое обеспечение расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при выполнении полномочий Российской Федерации в сфере ОМС, переданных для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляется за счет субвенций, предоставленных из бюджета Федерального фонда ОМС бюджетам территориальных фондов ОМС.

Указанные субвенции в силу части 4 статьи 27 и пункта 1 части 1 статьи 28 Закона об ОМС предоставляются территориальным фондам ОМС на финансовое обеспечение ОМС медицинским страховым организациям в соответствии с договорами о финансовом обеспечении ОМС.

Таким образом, договоры о финансовом обеспечении ОМС по смыслу абзаца десятого пункта 1 статьи 266^1 БК РФ являются договорами о предоставлении средств бюджета Федерального фонда ОМС.

Согласно части 4 статьи 6 Закона об ОМС контроль за использованием средств ОМС, обеспечивающих осуществление

переданных в соответствии с частью 1 этой статьи полномочий, проводится Федеральным фондом ОМС, федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, Счетной палатой Российской Федерации.

Законодательством Российской Федерации об ОМС предусмотрено финансирование медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь по программе ОМС, из федерального и территориального фондов ОМС (которые в свою очередь имеют одним из источников финансирования средства федерального бюджета) путем заключения предусмотренных статьями 37 и 39 Закона об ОМС договоров. Договор на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС заключается между медицинской организацией, включенной в реестр медицинских организаций, которые участвуют в реализации территориальной программы ОМС и которым решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС установлен объем предоставления медицинской помощи, подлежащей оплате за счет средств ОМС, в том числе и средств федерального бюджета, и страховой медицинской организацией, участвующей в реализации территориальной программы ОМС (часть 1 статьи 39 Закона об ОМС).

Таким образом, договоры на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС по смыслу абзаца десятого пункта 1 статьи 266^1 БК РФ являются договорами, заключенными в целях исполнения договоров о финансовом обеспечении ОМС (предоставление средств бюджета Федерального фонда ОМС), а медицинская организация является его исполнителем и, соответственно, объектом контроля.

Следовательно, судом первой инстанции сделан правильный вывод о том, что негосударственная медицинская организация является объектом государственного финансового контроля и проведение спорной проверки не выходило за пределы полномочий органа Федерального казначейства.

Определение № 307-ЭС24-7875

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

27. Содействие другому лицу в совершении им изнасилования и насильственных действий сексуального характера, оказанное осужденной путем применения физического насилия к потерпевшей, правильно квалифицировано как соисполнительство в этих преступлениях.

По приговору Свердловского областного суда от 24 августа 2022 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Е.,

судимый, осужден в том числе по пунктам «а», «б» части 2 статьи 131 УК РФ, по пунктам «а», «б» части 2 статьи 132 УК РФ.

По этому же приговору В., ранее не судимая, осуждена в том числе по пунктам «а», «б» части 2 статьи 131 УК РФ, по пунктам «а», «б» части 2 статьи 132 УК РФ. Судом апелляционной инстанции приговор в отношении В. оставлен без изменения.

Установлено, что Е. в ночное время разбудил спящую в палатке П., под надуманным предлогом отвел ее в сторону, а В. проследовала за ними.

Придя на выбранный участок местности на территории природного парка, Е. в целях хищения чужого имущества продемонстрировал П. нож, угрожая убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, потребовал снять одежду. Опасаясь за свои жизнь и здоровье, П. сняла ботинки, брюки и ветровку, но отказалась снимать футболку.

Продолжая свои действия по открытому завладению чужим имуществом, Е. взял деревянную палку и нанес ею П. не менее 9 ударов по голове и не менее 51 удара по туловищу и конечностям, затем сдавил рукой шею, причинив потерпевшей телесные повреждения в виде открытой черепно-мозговой травмы, включающей в себя ссадины и ушибленные раны лица и головы, оскольчатый перелом костей носа, очаговые кровоизлияния под мягкую мозговую оболочку, квалифицированные как причинившие легкий вред здоровью человека по признаку кратковременного расстройства здоровья, а также в виде множественных ссадин и кровоподтеков на верхних и нижних конечностях, которые оценены как не причинившие вреда здоровью.

После этого Е. решил с целью удовлетворения своей половой потребности совершить в отношении П. изнасилование и иные действия сексуального характера. Реализуя указанный умысел, Е. используя примененные в отношении потерпевшей угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью и продолжая подавлять сопротивление П. с помощью ее удержания, попросил находившуюся рядом В. оказать ему содействие в совершении преступлений против половой свободы потерпевшей. В. согласилась и, действуя совместно и согласованно с ним, удерживала П. за руки, ограничив возможность передвигаться и оказывать сопротивление, а Е. в это время, удерживая потерпевшую руками, действуя против ее воли и согласия, совершил в отношении П. изнасилование и иные действия сексуального характера.

В кассационной жалобе и дополнении к ней осужденная В. выражала несогласие с состоявшимися в отношении ее судебными решениями. Указывала, что приговор основан на предположениях и недопустимых доказательствах, судом нарушены правила оценки доказательств. В частности, ссылаясь на показания Е., который отрицал факт совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера, показания свидетелей К., Н., заключение эксперта, оспаривала свою причастность к совершению этих преступлений и удержанию потерпевшей.

Полагала, что в действиях Е. по этим преступлениям имел место эксцесс исполнителя.

Осужденным Е. также подана кассационная жалоба и дополнения к ней.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2023 г., проверив материалы уголовного дела, указала следующее.

Доводы осужденной В. о непричастности к преступлениям против половой свободы личности выдвигались в суде первой инстанции, тщательно проверены и мотивированно отвергнуты в приговоре, как не нашедшие своего подтверждения.

Факт удержания потерпевшей во время ее изнасилования Е. и совершения насильственных действий сексуального характера также подтвержден как признательными показаниями В. в период предварительного расследования, так и показаниями свидетелей К. и Н., которым об обстоятельствах преступления стало известно со слов Е., в связи с чем действия В., выразившиеся в содействии Е. путем применения физического насилия к потерпевшей, правильно квалифицированы как соисполнительство в совершении изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

Доводы жалобы осужденной об эксцессе исполнителя в действиях Е. своего подтверждения не нашли.

Определение № 45-УД23-21-А2

28. Отсутствие признака злостности при неисполнении вступившего в законную силу судебного решения исключает привлечение к уголовной ответственности по статье 315 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По приговору мирового судьи судебного участка Смоленского района Алтайского края от 28 сентября 2021 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) П., ранее не судимый, осужден по части 2 статьи 315 УК РФ к 360 часам обязательных работ с отбыванием в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией, и на основании пункта «а» части 1 статьи 78 УК РФ освобожден от назначенного наказания в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Кассационным постановлением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2022 г. приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения.

В кассационной жалобе адвокат Л. просила отменить указанные судебные решения, П. оправдать и прекратить производство по делу на основании пунктов 1 и 2 части 1 статьи 24 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля 2023 г. удовлетворила кассационную жалобу защитника – адвоката Л. по следующим основаниям.

П. признан судом виновным в злостном неисполнении служащим коммерческой организации вступившего в законную силу решения суда и воспрепятствовании его исполнению при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 2 статьи 315 УК РФ, выражается в злостном неисполнении либо в воспрепятствовании исполнению вступившего в законную силу решения суда или иного судебного акта, а субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом виновного лица.

Злостное неисполнение указанных судебных решений выражается, как правило, в продолжительном неисполнении судебного решения вопреки неоднократным требованиям пристава-исполнителя либо в отказе от исполнения судебного решения.

Признаки состава данного преступления в действиях П. не усматриваются.

Суд первой инстанции, вынося приговор в отношении П., установил, что он как директор коммунального муниципального предприятия «Б.» (далее – предприятие), имея умысел, направленный на злостное неисполнение решения Арбитражного суда Алтайского края от 29 марта 2019 г., которым с предприятия и Администрации муниципального образования Смоленского района Алтайского края (далее – Администрация) в солидарном порядке за счет казны муниципального образования взысканы задолженность в пользу АО «А.» по договору энергосбережения в размере 636 237 руб. 57 коп., пени и судебные расходы по уплате государственной пошлины, не исполнил возложенные на него судом обязанности при наличии у возглавляемого им предприятия возможности и денежных средств погасить эту задолженность. Кроме того, реализуя свой умысел, направленный на злостное неисполнение вступившего в законную силу решения суда, П. воспрепятствовал его исполнению тем, что от имени предприятия заключил с ООО «Ф.Г.» договор уступки права требования дебиторской задолженности на сумму 1 394 808 руб. 17 коп., уступив дебиторскую задолженность в явно заниженном размере – за 262 428 руб., которой, как и другими находившимися на счете предприятия денежными средствами, распорядился по своему усмотрению – на нужды предприятия.

При этом злостное неисполнение судебного решения суд усмотрел в том, что П. проигнорировал требование судебного пристава-исполнителя, предъявившего ему постановление о возбуждении исполнительного производства и сделавшего предупреждение об уголовной ответственности за неисполнение решения суда, и при наличии установленной проверкой кассы предприятия возможности его исполнения расходовал денежные

средства на другие цели, минуя выплату задолженности по решению суда в пользу АО «А.».

Вместе с тем в приговоре не приведены доказательства, которые бы свидетельствовали об умышленном заключении П. указанного договора уступки права требования дебиторской задолженности с целью неисполнения вступившего в законную силу решения суда либо воспрепятствования его исполнению.

В приговоре суд привел показания П., который пояснял, что он не намеревался каким-либо образом воспрепятствовать исполнению судебного решения, а заключение между предприятием и ООО «Ф.Г.» договора уступки права требования дебиторской задолженности на указанную сумму было вызвано тем, что предприятие никак не могло получить задолженность от должников – граждан, уклонявшихся от оплаты коммунальных услуг, предоставленных им предприятием. При этом решение о заключении договора уступки права требования дебиторской задолженности было принято по согласованию с Администрацией, в собственности которой находилось имущество, переданное в хозяйственное ведение предприятия.

Данные показания П. в приговоре не опровергнуты.

Кроме того, П. пояснял суду, что не имел умысла уклониться от исполнения судебного решения. Более того, он лично обращался к Администрации как к солидарному должнику с просьбой изыскать денежные средства на погашение задолженности по судебному решению перед АО «А.», поскольку договор был заключен сторонами в рамках исполнения муниципального контракта на энергосбережение для нужд Администрации, а предприятие в то время испытывало финансовые трудности, связанные с необходимостью выполнения долговых обязательств перед контрагентом – поставщиком угля для нужд населения муниципального образования, а также выплатой заработной платы работникам предприятия, закупкой необходимого оборудования, в том числе приобретением горюче-смазочных материалов и запасных частей, без которых невозможно было оказать надлежащие услуги гражданам по тепло- и водоснабжению, а также вывозу бытовых отходов.

Данные показания П. подтвердили допрошенные в судебном заседании свидетели, в том числе глава Администрации М. и начальник управления ЖКХ А., которые пояснили, что П. обращался в Администрацию за выделением денежных средств для погашения задолженности по судебному решению перед АО «А.». В Администрации совместно с П. проводились планерки по данному вопросу, но погасить задолженность Администрация не имела возможности из-за отсутствия выделенных на эти цели средств. Оставшаяся часть задолженности перед АО «А.» по судебному решению была погашена за счет казны муниципального образования лишь в конце года, когда Администрация получила дополнительную дотацию из бюджета края.

Об отсутствии в действиях П. признака злостного неисполнения судебного решения свидетельствует также непродолжительный период, прошедший после предъявления ему судебным приставом-исполнителем требований о погашении задолженности по исполнительному листу.

Как установлено судом, данные требования судебного пристава-исполнителя были предъявлены П. 14 июня 2019 г. (в этот же день он был предупрежден об уголовной ответственности по статье 315 УК РФ за неисполнение судебного решения), а инкриминируемый ему период уклонения от исполнения судебного решения указан с 30 апреля 2019 г. (с момента вступления решения суда в законную силу) по 4 июля 2019 г. (день его увольнения с должности руководителя предприятия).

Таким образом, судом в приговоре не приведено достаточных доказательств, свидетельствующих о злостном неисполнении П. вступившего в законную силу решения суда и (или) воспрепятствовании его исполнению, а показания П. об отсутствии у него такого умысла судом не опровергнуты.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор и последующие судебные решения в отношении осужденного П. отменила и прекратила производство по данному уголовному делу на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. За П. признано право на реабилитацию в соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 133 УПК РФ.

Определение № 51-УД23-2-К8

29. Незаконное производство наркотических средств, совершенное организованной группой, квалифицируется как соисполнительство без ссылки на статью 33 Уголовного кодекса Российской Федерации независимо от роли соучастников в этом преступлении.

По приговору Тульского областного суда от 1 августа 2022 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) А., ранее не судимый, осужден по части 5 статьи 228^1 УК РФ за незаконное производство наркотических средств в особо крупном размере организованной группой.

По этому же делу осужден Б.

В кассационной жалобе осужденный А. просил переквалифицировать его действия с части 5 статьи 228^1 УК РФ на часть 5 статьи 33, часть 3 статьи 228 УК РФ, по которой назначить наказание с применением статьи 73 УК РФ. В обоснование этого утверждал о неправильном применении уголовного и уголовно-процессуального закона, а также о чрезмерной суровости назначенного наказания. Автор кассационной жалобы обращал внимание на то, что он не был причастен к производству наркотических средств, не обладал знаниями в этой сфере, не приобретал соответствующее оборудование и вещества, фактически он возил на автомашине своего знакомого Б., которому выделил комнату в пользование, и выполнял

хозяйственные работы по дому и прилегающей территории. О деятельности Б. не был осведомлен, к незаконному обороту наркотических средств не имел отношения. Вместе с тем не отрицал своего пособничества в совершении Б. преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля 2023 г. оставила кассационную жалобу осужденного без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

Судом установлено, что А. действовал в составе организованной группы, целью которой было серийное изготовление и последующий сбыт наркотических средств.

Организованная группа характеризовалась устойчивостью, наличием руководителя, обособленных подразделений, заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы.

В приговоре правильно указано, что под незаконным производством наркотических средств понимаются совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на их серийное получение.

Из первоначальных показаний Б. и А. следует, что последний был осведомлен об особенностях производства наркотических средств, предоставил для этого дом своей матери, отвез в Московскую область первую партию произведенного наркотического средства, а при намерении вывезти вторую партию наркотического средства осужденные были задержаны 21 октября 2021 г.

Данные показания соотносятся с другими приведенными в приговоре доказательствами, в том числе результатами следственных действий, в ходе которых у осужденных изъято произведенное наркотическое средство – смесь, содержащая мефедрон (4-метилметкатинон), общей массой 6675,15 г, а также оборудование и вещества, которые могли использоваться при изготовлении наркотического средства.

Вопреки мнению А. при квалификации его действий по части 5 статьи 228^1 УК РФ не имеет правового значения тот факт, что непосредственно изготавливал наркотическое средство Б. Поскольку данное преступление совершено организованной группой, действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на статью 33 УК РФ. Просьба осужденного А. о переквалификации его действий на часть 3 статьи 228 УК РФ не подлежит удовлетворению, так как данный закон предусматривает ответственность за незаконный оборот наркотических средств без цели сбыта.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор Тульского областного суда от 1 августа 2022 г. и апелляционное определение судебной коллегии

по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2022 г. в отношении А. оставила без изменения.

Определение № 38-УД23-4-А1

30. Действия по организации убийства, вызванные желанием осужденного завладеть фирмой, фактически принадлежавшей потерпевшему, и получать всю прибыль от коммерческой деятельности, верно квалифицированы по части 3 статьи 33, пункту «з» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации как организация убийства из корыстных побуждений, по найму.

По приговору Красноярского краевого суда от 7 апреля 2022 г., остановленному без изменения судом апелляционной инстанции, Б. признан виновным и осужден по части 3 статьи 33, пункту «з» части 2 статьи 105 УК РФ за организацию убийства К., совершенного из корыстных побуждений, по найму.

В кассационной жалобе осужденный Б. выражал несогласие с приговором, просил в том числе исключить квалифицирующий признак совершения убийства «из корыстных побуждений». Анализируя положения части 3 статьи 33 и части 3 статьи 34 УК РФ, Б. указывал, что он не озвучивал исполнителю корыстные намерения по завладению бизнесом К., осведомленность исполнителя об указанных побуждениях не установлена приговором, обстоятельства, не охватывающиеся умыслом исполнителя, не могут признаваться квалифицирующими признаками преступления, инкриминируемого как исполнителю, так и организатору. Обращал внимание на то, что действия исполнителя квалифицированы как убийство по найму, в связи с чем сам Б. мог нести ответственность только за организацию убийства по найму, а наличие корыстных побуждений не могло учитываться при квалификации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 6 апреля 2023 г. не согласилась с доводами осужденного и оставила приговор и апелляционное определение без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения, отметив следующее.

Суд правильно указал на то, что о направленности умысла Б. свидетельствуют его действия, выразившиеся в том, что он предложил А. за вознаграждение совершить убийство К., предоставил полную информацию о потерпевшем, требовал от А. активных действий для достижения преступного результата – смерти К.

Мотивом совершения преступления явилось желание Б. завладеть ООО «Э.», которое фактически принадлежало К., и получать всю прибыль от коммерческой деятельности.

Вопреки доводам жалобы юридическая оценка действий Б. по части 3 статьи 33, пункту «з» части 2 статьи 105 УК РФ как организация совершения

убийства, то есть умышленного причинения смерти другому человеку, из корыстных побуждений, по найму является правильной. Не ставят ее под сомнение и доводы осужденного о том, что он не сообщал исполнителю преступления свои мотивы для убийства К.

Оснований для исключения квалифицирующего признака совершения убийства «из корыстных побуждений» не имеется.

Определение № 53-УД23-5-А5

Процессуальные вопросы

31. Суд обоснованно отверг как доказательство по делу представленное стороной защиты заключение специалиста, поскольку оно, вопреки требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, сводилось исключительно к оценке заключений ранее проведенных по делу судебных экспертиз. При этом сторона защиты не была лишена возможности с учетом суждений, высказанных специалистом, приводить суду доводы, опровергающие оспариваемые экспертные заключения, обосновывать ходатайства о назначении дополнительной экспертизы.

По приговору Басманного районного суда г. Москвы от 16 сентября 2021 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) С., ранее не судимый, осужден по пункту «б» части 2 статьи 264 УК РФ.

Кассационным постановлением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2022 г. приговор и апелляционное постановление в отношении С. в части взыскания с него в пользу потерпевшего процессуальных издержек в сумме 140 000 руб., связанных с оплатой услуг представителя, отменены. Уголовное дело в этой части передано на новое судебное рассмотрение в Басманный районный суд г. Москвы иным составом суда в порядке статей 397, 399 УПК РФ.

В кассационной жалобе адвокат Н. оспаривал законность и обоснованность состоявшихся в отношении С. судебных решений, ссылался на нарушение принципа состязательности сторон при рассмотрении уголовного дела, которое выразилось в том, что судом было отказано в удовлетворении ходатайства стороны защиты о проведении комплексной медико-автотехнической экспертизы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 марта 2023 г., отвечая на доводы кассационной жалобы, отметила следующее.

Ходатайства, заявленные сторонами в ходе судебного разбирательства, разрешены судом в соответствии с требованиями закона, по ним приняты мотивированные решения, каких-либо сведений о нарушении принципов равенства и состязательности сторон, предвзятом отношении

председательствующего к той или иной стороне протокол судебного заседания не содержит.

Как видно из материалов уголовного дела, оснований для проведения комплексной медико-автотехнической экспертизы, на что указывает в жалобе адвокат, не имеется.

При этом в приговоре дана оценка заключению специалистов Т. и К., из которого следует ошибочность выводов проведенной по делу судебно-медицинской экспертизы, а также оценены показания специалиста Т., данные им в судебном заседании, о том, что представленные в суде экспертные заключения содержат множество противоречий, являются поверхностными исследованиями, результаты которых не дают возможности определить тяжесть причиненного вреда здоровью Г.

Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации специалист как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекается к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном указанным Кодексом, в том числе его статьями 58, 164, 168 и 270, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устной форме (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела). Заключение специалиста не может подменять собой заключение эксперта, если таковое требуется по делу.

Из заключения специалистов Т. и К. следует, что поставленные перед ними адвокатом Н. вопросы были фактически направлены на оценку экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, что противоречит приведенным выше положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции, оценив данное заключение, направленное исключительно на ревизию проведенных по делу судебно-медицинских экспертиз, обоснованно отверг данное доказательство, поскольку оно не может подменять собой заключения экспертов.

Как следует из протокола судебного заседания, сторона защиты не была лишена возможности с учетом суждений, высказанных привлеченным ею специалистом Т., приводить суду доводы, опровергающие оспариваемые заключения судебных экспертиз, обосновывать ходатайства о производстве дополнительной комплексной медико-автотехнической экспертизы.

Отказ суда первой инстанции в удовлетворении ходатайства о проведении данной экспертизы является обоснованным.

С учетом изложенного Судебная коллегия пришла к выводу, что обстоятельства по делу, подлежащие доказыванию в силу статьи 73 УПК РФ, установлены судом в полном объеме.

Определение № 5-УД23-13-К2

32. У лица, оправданного по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации и одновременно осужденного по этому же приговору за совершение другого преступления в составе организованной группы, не возникает права на реабилитацию, ввиду чего оно не освобождается от взыскания процессуальных издержек.

По приговору Курского областного суда от 1 сентября 2021 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, П., ранее судимый, осужден по пункту «а» части 3 статьи 126 УК РФ.

По этому приговору, оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, также осуждены Г.С., Г.А., Р. и Ш. Приговор и апелляционное определение в отношении Ш. не обжаловались, дело в кассационном порядке не рассматривалось.

Г.С., Г.А., Ш., Р., П. оправданы по части 2 статьи 210 УК РФ на основании пункта 3 части 2 статьи 302 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

В пользу федерального бюджета с П. взысканы процессуальные издержки в сумме 116 200 руб., связанные с выплатой вознаграждения адвокатам К. и М.

Г.С., Г.А., Ш., Р., П. признаны виновными в похищении двух лиц (М.В. и К.Ю.) с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия, с применением предметов, используемых в качестве оружия, организованной группой.

В кассационной жалобе осужденный П. помимо прочего оспаривал обоснованность взыскания с него процессуальных издержек в полном объеме, ссылаясь на оправдание по одной из статей обвинения (статья 210 УК РФ).

Кроме осужденного П., кассационные жалобы и дополнения к ним были поданы осужденными Г.С., Г.А., Р. и потерпевшим К.Ю.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 12 апреля 2023 г., отвечая на доводы кассационной жалобы осужденного П., указала следующее.

Как следует из приговора, осужденные были оправданы по обвинению в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, что не исключает уголовного преследования и осуждения за совершение другого преступления, в рассматриваемом случае – преступления, предусмотренного статьей 126 УК РФ, и не дает оснований для признания лица подлежащим реабилитации.

Данная правовая позиция соответствует разъяснению, изложенному в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 28 июня 2022 г.) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», согласно которому к лицам, имеющим право на реабилитацию, указанным в части 2 статьи 133 УПК РФ, не относятся, в частности, подозреваемый, обвиняемый, осужденный, преступные действия которых переквалифицированы или из обвинения которых исключены квалифицирующие признаки, ошибочно вмененные статьи при отсутствии идеальной совокупности преступлений либо в отношении которых приняты иные решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключающие его (например, осужденный при переквалификации содеянного со статьи 105 УК РФ на часть 4 статьи 111 УК РФ; осужденный за совершенные преступления в составе организованной группы, который этим же приговором оправдан по статье 210 УК РФ), а также осужденные, мера наказания которым снижена вышестоящим судом до предела ниже отбытого.

Доводы осужденного П. о необоснованном взыскании процессуальных издержек в полном объеме при оправдании за совершение преступления, предусмотренного статьей 210 УК РФ, лишены правовых оснований. Согласно пункту 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» процессуальные издержки взыскиваются с осужденных и лиц, уголовное дело или уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, не дающим права на реабилитацию.

Решение об оправдании по статье 210 УК РФ с одновременным осуждением за преступление, совершенное в организованной группе, относится к случаям прекращения уголовного преследования, не дающим права на реабилитацию, что следует из правовой позиции, изложенной в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 28 июня 2022 г.) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

Следовательно, в рассматриваемом случае при оправдании по статье 210 УК РФ у суда отсутствовали основания для освобождения осужденного от уплаты процессуальных издержек.

Определение № 39-УД23-9-А1

33. С учетом положений Федерального закона о присяжных заседателях допускается привлечение одного и того же лица к участию в качестве присяжного заседателя при рассмотрении разных уголовных дел, если это происходит в разные календарные годы при соблюдении требований закона к отбору кандидатов в присяжные заседатели, а также к формированию списков кандидатов.

По приговору Красноярского краевого суда от 11 мая 2022 г., постановленному на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей, с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции, Е., ранее не судимый, осужден по пунктам «а», «е» части 2 статьи 105 УК РФ и по части 2 статьи 167 УК РФ.

В кассационной жалобе защитник осужденного адвокат А. помимо прочего ставил вопрос об отмене судебных решений в отношении Е. и о направлении уголовного дела на новое судебное разбирательство, ссылаясь на незаконность состава коллегии присяжных заседателей, так как кандидаты в присяжные заседатели № 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 11 были присяжными заседателями в 2021 году, кандидат в присяжные заседатели № 1 П. участвовала в заседании в 2019–2020 годах по уголовному делу в отношении Г. под председательством того же судьи и с участием того же прокурора.

Отвечая на доводы кассационной жалобы адвоката А., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 4 мая 2023 г. указала следующее.

Коллегия присяжных заседателей сформирована в соответствии со статьей 328 УПК РФ.

Согласно части 3 статьи 326 УПК РФ одно и то же лицо не может участвовать в течение года в судебных заседаниях в качестве присяжного заседателя более одного раза.

Порядок и срок исполнения гражданином обязанностей присяжного заседателя регламентированы Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

В соответствии с частью 1 статьи 10 данного закона граждане призываются к исполнению в суде обязанностей присяжных заседателей в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, один раз в год. Из приведенных выше положений закона следует, что речь идет об исполнении обязанностей присяжного заседателя в течение одного календарного года. Указанные в жалобе защитника присяжные заседатели по настоящему уголовному делу участвовали в судебном заседании в 2022 году. Их участие в качестве таковых в 2019–2020 годах, в том числе участие присяжного заседателя П., не является препятствием для участия в судебном заседании в 2022 году.

При этом следует исходить из понятия одного календарного года, а не из суммарного времени при исчислении одного года, в течение которого участвовало определенное лицо в качестве присяжного заседателя.

Участие П. в качестве присяжного заседателя в 2019–2020 годах по уголовному делу в отношении Г. не является основанием для удовлетворения мотивированного отвода, заявленного стороной защиты кандидату в присяжные заседатели П.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор и апелляционное определение в отношении Е. оставила без изменения[4].

Определение № 53-УД23-8СП-А5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

34. Документирование лица паспортом гражданина Российской Федерации при отсутствии на то законных оснований влечет признание такого лица не состоящим в гражданстве Российской Федерации, а выданных на его имя паспортов – недействительными.

По результатам проверки, проведенной управлением по вопросам миграции МВД России 30 мая 2021 г., утверждено заключение, которым Б. признан не состоящим в гражданстве Российской Федерации, выданные в нарушение установленного порядка на его имя паспорта гражданина Российской Федерации признаны недействительными (далее – заключение).

В обоснование данных выводов указано, что Б. либо его законные представители – граждане Грузии с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации не обращались, решение о приеме их в гражданство Российской Федерации не принималось, факт проживания административного истца и его матери по состоянию на 6 февраля 1992 г. на территории Российской Федерации не подтвержден, сведения о наличии гражданства Российской Федерации у его родителей в автоматизированных системах и базах данных Российской Федерации отсутствуют.

---

[4] Конституционным Судом Российской Федерации вынесено определение от 13 февраля 2025 г. № 295-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еремина Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 326 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 10 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», в котором отмечено, что оспариваемые заявителем нормы как сами по себе, так и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не могут расцениваться в качестве нарушающих его права.

Б. обратился в суд с административным иском о признании заключения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного иска отказано.

Судом кассационной инстанции названные судебные акты отменены, административное дело направлено в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

Отменяя определение суда кассационной инстанции, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

Вопросы приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации на момент утверждения заключения регулировались Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 31 мая 2002 г.), согласно положениям части 7 статьи 4 которого наличие у лица гражданства Российской Федерации либо факт наличия у лица в прошлом гражданства СССР определяется на основании законодательных актов Российской Федерации, РСФСР или СССР, международных договоров Российской Федерации, РСФСР или СССР, действовавших на день наступления обстоятельств, с которыми связывается наличие у лица соответствующего гражданства.

Согласно Закону Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-I «О гражданстве Российской Федерации» (с последующими изменениями и дополнениями; далее – Закон от 28 ноября 1991 г.) гражданами Российской Федерации признаются все граждане бывшего СССР, постоянно проживающие на территории Российской Федерации на день вступления в силу данного закона, если в течение одного года после этого дня они не заявят о своем нежелании состоять в гражданстве Российской Федерации (часть 1 статьи 13).

В порядке регистрации гражданство Российской Федерации приобретают лица, у которых родственник по прямой восходящей линии является гражданином Российской Федерации (пункт «а» статьи 18 Закона от 28 ноября 1991 г.).

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, не установил оснований для признания оспариваемого заключения незаконным, поскольку на момент подачи Б. заявления в 2004 году о выдаче паспорта гражданина Российской Федерации не имелось сведений, что хотя бы один из его родителей являлся гражданином Российской Федерации; доказательства, подтверждающие регистрацию и постоянное проживание на территории Российской Федерации административного истца на 6 февраля 1992 г., а также обращение в уполномоченный орган с заявлением о принятии его в гражданство Российской Федерации, отсутствуют.

Суд кассационной инстанции, сославшись на часть 3 статьи 22 Федерального закона от 31 мая 2002 г., не предусматривающую безусловную отмену решения о приобретении российского гражданства в отношении детей по основанию отмены решения о приеме в гражданство Российской Федерации их родителей, признал незаконными судебные акты нижестоящих судов.

Между тем, как следует из материалов административного дела и заключения, оно основано на иных фактических обстоятельствах; напротив административным ответчиком сделан вывод об отсутствии решения о гражданстве как в отношении Б., так и его родителей.

Следовательно, ссылка суда кассационной инстанции на данную статью, не регулирующую спорные отношения, несостоятельна.

Суды первой и апелляционной инстанций, признавая административный иск необоснованным, исходили из доказанности факта непроживания Б. и его матери по состоянию на 6 февраля 1992 г. на территории Российской Федерации, что являлось обязательным условием для признания их гражданами Российской Федерации.

Вывод основан на представленных в материалах административного дела письменных доказательствах: копии домовой (поквартирной) книги, в которой данные о регистрации Б. и его матери отсутствуют; постановлении следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности в отношении бывшего начальника паспортного стола, выдавшего справку о регистрации административного истца и его матери с 23 марта 1991 г. по месту жительства на территории Российской Федерации, поскольку установлено, что Б. не был зарегистрирован и никогда не проживал по соответствующему адресу.

Кроме того, судами оценено в совокупности с другими доказательствами письмо Национального центрального бюро Интерпола Грузии от 17 марта 2021 г., согласно которому мать и отец административного истца являются гражданами Грузии.

Материалами административного дела подтверждается, что, обращаясь впервые в 2004 году с заявлением о выдаче паспорта гражданина Российской Федерации, Б., помимо свидетельства о рождении, выданного отделом ЗАГС Грузии, иных документов, свидетельствующих о его принадлежности к гражданству Российской Федерации, не представил; в автоматизированной системе «Российский паспорт» и базе данных Консульского Департамента МИД России «Гражданство» информация об обращении Б. или его родителей с заявлением о принятии заявителя в гражданство Российской Федерации отсутствует.

При таких данных суды первой и апелляционной инстанций, установив, что административный истец документирован паспортом гражданина Российской Федерации при отсутствии на то законных оснований, сделали правильный вывод о правомерности заключения.

Таким образом, заключение соответствует требованиям нормативных правовых актов, определяющих основания, условия и порядок приобретения гражданства Российской Федерации, прав административного истца не нарушает.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции, оставив в силе решение суда первой инстанции и апелляционное определение.

Определение № 5-КАД24-67-К2

35. При рассмотрении административного дела о признании незаконным распоряжения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства необходимо устанавливать все фактические обстоятельства, характеризующие личность такого лица, не ограничиваясь лишь формальными основаниями применения закона.

Л., являющийся гражданином Китайской Народной Республики и освобожденный из мест лишения свободы, обратился в суд с административным исковым заявлением к ФСИН России о признании незаконным вынесенного в отношении его распоряжения о признании нежелательным пребывания (проживания) в Российской Федерации (далее – Распоряжение) сроком на 10 лет после отбытия наказания до момента погашения судимости в соответствии с частью 3 статьи 86 УК РФ.

В обоснование административный истец указал, что не представляет угрозы общественному порядку, осознал свою вину в совершенном преступлении и раскаялся в содеянном, имеет на иждивении родителей, супругу и несовершеннолетнего ребенка, до осуждения находился на территории Российской Федерации на законом основании, постоянно проживал в г. Санкт-Петербурге, где имеет в собственности жилье, длительное время занимался коммерческой деятельностью и являлся добросовестным налогоплательщиком, в исправительном учреждении имел поощрения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административному истцу отказано в удовлетворении требований. Суды посчитали достаточным для признания нежелательным пребывания (проживания) административного истца в Российской Федерации факт наличия у него непогашенной судимости за особо тяжкое преступление, который послужил основанием для оценки его личности как обладающей повышенной общественной опасностью.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, исходила из следующего.

В силу части 4 статьи 25^{10} Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Закон о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию), если пребывание (проживание) иностранного гражданина, законно находящегося в Российской Федерации, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина в Российской Федерации.

В данном деле суды не выяснили и не проверили сведения об административном истце во время отбытия наказания в виде лишения свободы.

В соответствии с характеристикой, выданной начальником исправительной колонии, Л. имел 20 поощрений от руководства исправительной колонии за добросовестное отношение к труду, хорошее поведение, активное участие в воспитательных мероприятиях, общественной жизни, взысканий не имел; на профилактическом учете не состоял.

В материалах административного дела содержится выписка из протокола заседания Комиссии по вопросам помилования на территории г. Санкт-Петербурга, на котором члены комиссии выразили уверенность в исправлении осужденного Л., посчитав, что он не нуждается в дальнейшем отбывании наказания в виде лишения свободы и его пребывание на территории Российской Федерации не представляет реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, что в силу части 4 статьи 25^{10} Закона о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию является обязательным условием при решении вопроса о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации.

Принимая во внимание, что Распоряжение вынесено в 2020 году и подлежало исполнению только после отбытия наказания по приговору суда, для правильного рассмотрения административного дела с учетом конкретных обстоятельств (освобождение из мест лишении свободы для дальнейшего отбывания более мягкого наказания) суду следовало выяснить сведения о поведении Л., его отношение к правопорядку во время отбывания принудительных работ.

Суд оставил без оценки доводы Л. о том, что он длительное время проживает на территории Российской Федерации на законном основании, успешно занимается предпринимательской деятельностью и исполняет налоговые обязательства, имеет в собственности жилое помещение в г. Санкт-Петербурге, то есть ссылался на обстоятельства, которые, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, необходимо

учитывать при рассмотрении дел с участием иностранцев (постановление от 17 февраля 2016 г. № 5-П, определение от 2 марта 2006 г. № 55-О).

В нарушение разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» суд ограничился проверкой формального соответствия Распоряжения правовым нормам, не учел обстоятельства жизни заявителя, не принял во внимание, что оспариваемый акт создает непреодолимые препятствия для осуществления Л. своих прав и обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка, по поддержке нетрудоспособных родителей.

Кроме того, ни в Распоряжении, ни в судебных актах не указано, каким объектам общественных отношений Л. создал реальную угрозу, а также не приведены факты, которые подтверждали бы необходимость признания нежелательным пребывания Л. в течение 10 лет в Российской Федерации.

В силу изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, дело направила на новое рассмотрение.

Определение №5-КАД24-82-К2

36. Непредставление лицом, лишенным права на управление транспортным средством, в органы Госавтоинспекции удостоверения тракториста-машиниста, срок действия которого истек на момент совершения административного правонарушения, не влияет на начало течения срока лишения права на управление транспортным средством.

30 октября 2008 г. Е. выдано удостоверение тракториста-машиниста со сроком действия до 30 октября 2018 г., а 27 апреля 2018 г. выдано водительское удостоверение на управление транспортными средствами (далее − водительское удостоверение).

Постановлением мирового судьи от 22 июля 2021 г. Е. признан виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, ему назначено наказание в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами на срок 1 год 6 месяцев.

Е. 3 сентября 2021 г. сдал водительское удостоверение в органы Госавтоинспекции.

Полагая, что срок лишения права управления транспортными средствами истек, Е. 5 сентября 2023 г. обратился с заявлением о выдаче водительского удостоверения, приложив необходимые документы, включая экзаменационный лист и копию медицинской справки, в чем ему было отказано в связи с тем, что постановление мирового судьи на момент

обращения не исполнено, так как срок лишения права управления транспортными средствами прерван ввиду сдачи удостоверения тракториста-машиниста только 24 апреля 2023 г.

Считая названный отказ незаконным, Е. оспорил его в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административному истцу отказано в удовлетворении требований.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, исходила из следующего.

Согласно статье 32.7 КоАП РФ течение срока лишения специального права начинается со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в виде лишения соответствующего специального права (часть 1). В течение трех рабочих дней со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания в виде лишения соответствующего специального права лицо, лишенное специального права, должно сдать документы, предусмотренные частями 1−3^{1} статьи 32.6 данного кодекса, в орган, исполняющий этот вид административного наказания, а в случае утраты документов заявить об этом в указанный орган в тот же срок (часть 1^{1}).

Частью 2 статьи 32.7 КоАП РФ предусмотрено, что в случае уклонения лица, лишенного специального права, от сдачи соответствующего удостоверения (специального разрешения) или иных документов срок лишения специального права прерывается.

В пункте 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – постановление Пленума Верховного Суда от 25 июня 2019 г. № 20) разъяснено, что при назначении административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами лицо, привлеченное к административной ответственности, должно сдать все имеющиеся у него соответствующие удостоверения либо заявить об их утрате в указанное судьей подразделение уполномоченного органа (абзац первый). В случае уклонения лица, лишенного права управления транспортными средствами, от сдачи соответствующего удостоверения срок лишения указанного права прерывается.

Отказывая в удовлетворении требований, суд руководствовался приведенными нормами и отклонил довод административного истца об отсутствии у него на момент совершения административного правонарушения права на управление самоходными машинами.

Суд апелляционной инстанции указал, что обязанность сдать водительское удостоверение в уполномоченный орган возложена на лицо,

в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении о назначении наказания в виде лишения соответствующего специального права, в том числе в случае, если срок действия данного удостоверения истек.

Между тем судами не учтено следующее.

Основаниями прекращения действия права на управление транспортными средствами являются, в частности, истечение срока действия водительского удостоверения и лишение права на управление транспортными средствами (пункт 1 статьи 28 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения».

В пункте 34 Правил допуска к управлению самоходными машинами и выдачи удостоверений тракториста-машиниста (тракториста), утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 июля 1999 г. № 796, установлено, что удостоверение тракториста-машиниста (тракториста) выдается на 10 лет. По истечении указанного срока оно считается недействительным и подлежит замене.

Судами установлено, что срок действия выданного Е. удостоверения тракториста-машиниста истек 30 октября 2018 г., за получением нового удостоверения административный истец не обращался. Административное правонарушение им совершено 14 июня 2021 г.

В абзаце пятом пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда от 25 июня 2019 г. № 20 разъяснено, что лишение лица права управления транспортными средствами означает, что это лицо одновременно лишается права управления всеми транспортными средствами независимо от того, транспортным средством какой категории (подкатегории) оно управляло в момент совершения административного правонарушения.

Вместе с тем в абзаце втором пункта 8 названного постановления обращается внимание на то, что лицом, не имеющим права управления транспортными средствами, является лицо, срок действия соответствующего удостоверения которого истек. К таким лицам административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами не применяется.

Таким образом, привлеченное к административной ответственности лицо обязано сдать соответствующее удостоверение, действующее на момент совершения административного правонарушения, в том числе в случае, если срок действия данного удостоверения в дальнейшем истек.

Материалами дела подтверждается и административным ответчиком не оспаривается факт сдачи Е. действующего водительского удостоверения 3 сентября 2021 г. Заявление о выдаче водительского удостоверения с приложением необходимых документов административный истец подал в уполномоченный орган по истечении 1 года 6 месяцев с указанной даты.

Следовательно, отказ административного ответчика в выдаче заявителю водительского удостоверения не соответствует положениям законодательства и нарушает права и законные интересы Е.

То обстоятельство, что административный истец 24 апреля 2023 г. сдал удостоверение тракториста-машиниста, срок действия которого истек 30 октября 2018 г., правового значения не имеет, поскольку законом не установлена обязанность сдавать такое удостоверение.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, признала незаконным решение органов Госавтоинспекции об отказе в выдаче водительского удостоверения.

Определение № 9-КАД24-10-К1

37. Независимая судебная военно-врачебная экспертиза может быть поручена только медицинской организации, имеющей лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающую в том числе выполнение работ (услуг) по проведению такой экспертизы.

Решением призывной комиссии Х. призван на военную службу, ему определена категория годности «А». Не согласившись с таким решением, Х. обратился в суд с административным иском о признании его незаконным и об отмене, просил обязать призывную комиссию устранить допущенные нарушения путем признания его ограниченно годным к военной службе.

По мнению Х., у него в ходе медицинского обследования выявлено заболевание, наличие которого является основанием для признания его ограниченно годным к военной службе.

При производстве по делу суд первой инстанции назначил судебную военно-врачебную экспертизу, которая поручена экспертам ООО Медико-консультативный центр «Военмед» (далее – общество).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административное исковое заявление Х. удовлетворено. При этом суд первой инстанции исходил из заключения судебной военно-врачебной экспертизы от 25 октября 2023 г., проведенной обществом (далее – заключение судебной экспертизы), о признании Х. ограниченно годным к военной службе, признав указанное заключение соответствующим требованиям относимости, допустимости и достоверности доказательств.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, указала, что выводы судов о признании заключения судебной экспертизы надлежащим доказательством нельзя признать правильными, поскольку они сделаны с нарушением норм процессуального и материального права, не соответствуют материалам административного дела.

Отдельные вопросы прохождения медицинского освидетельствования призывниками урегулированы Положением о военно-врачебной экспертизе,

утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 (далее – Положение).

При несогласии с результатом освидетельствования, проведенного в рамках работы призывной комиссии, гражданин имеет право на производство независимой военно-врачебной экспертизы в порядке, установленном Положением о независимой военно-врачебной экспертизе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 574 (абзац восьмой пункта 8 Положения) (далее – Положение о независимой военно-врачебной экспертизе).

Независимая экспертиза производится в медицинских организациях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающей в том числе выполнение работ (услуг), в частности, по военно-врачебной экспертизе (пункт 3 Положения о независимой военно-врачебной экспертизе).

С учетом этого одним из обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения административного дела, является наличие у общества лицензии на осуществление медицинской деятельности, предусматривающей выполнение работ (услуг) по военно-врачебной экспертизе.

При этом суд первой инстанции ограничился представленной административным истцом выпиской из реестра лицензий по состоянию на 14 августа 2023 г., носящей информационный характер, о предоставлении обществу 20 декабря 2016 г. Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения лицензии.

Между тем в заключении судебной экспертизы в подтверждение полномочия на производство экспертизы указана лицензия с иными данными, выданная министерством здравоохранения субъекта Российской Федерации.

Представленная обществом по запросу суда апелляционной инстанции лицензия с теми же реквизитами подтверждает право поименованного юридического лица на осуществление медицинской деятельности при проведении медицинских экспертиз по: военно-врачебной экспертизе.

Однако приведенные несоответствия судом апелляционной инстанции не устранены, что позволяет признать преждевременным вывод о том, что заключение судебной экспертизы является допустимым доказательством.

Кроме того, разрешая заявленные требования, суд не проверил обоснованность вывода экспертов о признании Х. ограниченно годным к военной службе (категория «В»).

В частности, соглашаясь с выводами заключения судебной экспертизы о наличии у административного истца заболевания, затрудняющего ношение военной формы, нижестоящие суды не учли представленные в материалы административного дела данные: в справке дерматовенеролога государственного бюджетного учреждения здравоохранения описано образование в верхней части туловища, в справке онколога федерального

государственного бюджетного образовательного учреждения сделан вывод об отсутствии онкопатологии, указан диагноз: невус кожи (доброкачественные новообразования кожи).

Как следует из заключения судебной экспертизы, административный истец был осмотрен врачом дерматовенерологом через 15 дней после первоначального осмотра (впервые выявлено новообразование), на следующий день после осмотра онколога (не отражено возвышение доброкачественного новообразования над кожей), который указал, что доброкачественное новообразование возвышается над кожей, сделал вывод, что выявленное заболевание затрудняет ношение военной формы, одежды и снаряжения.

При этом какого-либо обоснования не приведено.

Иные перечисленные в заключении судебной экспертизы основные диагнозы Х. содержат указание на категорию годности «Б» (годен к военной службе с незначительными ограничениями).

Процессуальный закон устанавливает требования к заключению эксперта, в котором наряду с другими сведениями должно содержаться обоснование выводов по поставленным перед экспертом (комиссией экспертов) вопросам (пункт 9 части 2 статьи 82 КАС РФ).

Несмотря на приведенные обстоятельства суды не приняли меры к устранению несоответствия заключения судебной экспертизы закону.

Вопрос о назначении повторной судебной военно-врачебной экспертизы в порядке статьи 83 КАС РФ судом не рассматривался.

В силу изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные акты, дело направила на новое рассмотрение.

Определение № 49-КАД24-22-К6

38. Признание акта нормативным правовым зависит от анализа его содержания, который осуществляется судом в каждом конкретном случае.

Общество обратилось в суд с административным исковым заявлением о признании недействующими отдельных положений постановления Правительства Москвы от 10 июня 2022 г. № 1060-ПП «О комплексном развитии территории нежилой застройки города Москвы № 3, расположенной в производственной зоне № 45 «Автомоторная» и постановления Правительства Москвы от 21 декабря 2022 г. № 2977-ПП «О комплексном развитии территории нежилой застройки города Москвы, расположенной в производственной зоне № 48 «Дегунино-Лихоборы».

До рассмотрения судом дела по существу представителем административного ответчика заявлено ходатайство о передаче дела

по подсудности в Арбитражный суд г. Москвы в связи с отсутствием у акта признаков нормативности.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, административное дело передано для рассмотрения по существу в Арбитражный суд г. Москвы.

Отменяя названные судебные акты по кассационной жалобе общества, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из следующего.

В абзаце первом пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (далее − постановление Пленума Верховного Суда от 25 декабря 2018 г. № 50), признаками, характеризующими нормативный правовой акт, названы: издание его в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом; наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Вместе с тем признание того или иного акта нормативным правовым во всяком случае зависит от анализа его содержания, который осуществляется соответствующим судом. Так, следует учитывать, что акт может являться обязательным для неопределенного круга лиц, в частности, в случаях, когда он издается в целях установления правового режима конкретного объекта публичного права (например, правовой акт об установлении границ зон с особыми условиями использования территории) (абзацы второй и третий пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда от 25 декабря 2018 г. № 50).

Порядок принятия и реализации решения о комплексном развитии территории урегулирован положениями статьи 66 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее − ГрК РФ), частью 7 которой предусмотрено, что принятие решения о комплексном развитии территории нежилой застройки и его опубликование в порядке, установленном для официального опубликования правовых актов, иной официальной информации, является одним из этапов процедуры принятия и реализации решения о комплексном развитии территории нежилой застройки.

Статьей 67 ГрК РФ предусмотрены требования к содержанию решения о комплексном развитии территории. В частности, в такое решение включаются: сведения о местоположении, площади и границах территории, подлежащей комплексному развитию; перечень объектов капитального строительства, расположенных в границах территории, подлежащей

комплексному развитию, в том числе перечень объектов капитального строительства, подлежащих сносу или реконструкции, включая многоквартирные дома; основные виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства, которые могут быть выбраны при реализации решения о комплексном развитии территории, а также предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства в границах территории, в отношении которой принимается такое решение (часть 1).

Принятие решения о комплексном развитии территории согласно статье 7 ГрК РФ относится к компетенции соответствующего органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Из материалов дела усматривается, что в оспариваемых постановлениях содержатся: графическое описание местоположения границ, основные виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства, которые могут быть выбраны при реализации решения о комплексном развитии территории, предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства в границах территории, в отношении которой принимается такое решение; перечень земельных участков и расположенных на них объектов капитального строительства, в том числе перечень объектов капитального строительства, подлежащих сносу или реконструкции.

Таким образом, данными актами определена территория, в границах которой предполагается установление особого правового режима, направленного на изменение или прекращение существующих правоотношений и комплексное градостроительное развитие территории, связанное в том числе с возможным сносом или реконструкцией объектов капитального строительства, находящихся в собственности неопределенного круга лиц, и (или) изъятием этих объектов недвижимости для государственных или муниципальных нужд в целях комплексного развития территории.

Анализ приведенных норм законодательства о градостроительной деятельности в их системном единстве применительно к оспариваемым правовым актам дает основания полагать, что указанные постановления обладают нормативными свойствами, поскольку они приняты высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, содержат правила, распространяющие свое действие на неопределенный круг лиц, рассчитанные на неоднократное применение и направленные на урегулирование общественных отношений в сфере градостроительной деятельности, изменение и прекращение существующих правоотношений.

В связи с изложенным выводы судов об организационно-распорядительном характере оспариваемых постановлений и о наличии оснований для передачи административного дела для рассмотрения

в Арбитражный суд г. Москвы являются неправомерными.

Определение № 5-КАД24-72-К2

39. Частичное нахождение возведенного здания за границами земельного участка с учетом фактического землепользования не препятствует перераспределению земельных участков при отсутствии иных ограничений для этого.

С., которому на праве собственности принадлежит земельный участок с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства», приобретенный административным истцом в 2014 году, в апреле 2023 года обратился в Департамент городского имущества (далее – Департамент) с заявлением о заключении соглашения о перераспределении земельного участка из земель, находящихся в муниципальной собственности, и принадлежащего ему земельного участка, представив схему расположения образуемого земельного участка на кадастровом плане территории.

Решением Департамента в заключении указанного соглашения отказано ввиду того, что на земельном участке расположен одноэтажный нежилой объект в отсутствие разрешительной документации на право его возведения, в связи с чем имеются основания для отказа в предоставлении государственной услуги.

Административный истец обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным решения Департамента.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, исходила из следующего.

Согласно подпункту 3 пункта 8 статьи 39^{29} ЗК РФ в срок не более чем тридцать дней со дня поступления заявления о перераспределении земельных участков уполномоченный орган по результатам его рассмотрения может принять решение об отказе в заключении соглашения о перераспределении земельных участков при наличии оснований, предусмотренных пунктом 9 этой статьи. Решение об отказе в заключении соглашения о перераспределении земельных участков должно быть обоснованным и содержать указание на все основания отказа (пункт 10 статьи 39^{29} ЗК РФ).

Уполномоченный орган принимает решение об отказе в заключении соглашения о перераспределении земельных участков, в том числе если на земельном участке, на который возникает право частной собственности, в результате перераспределения земельного участка, находящегося в частной собственности, и земель и (или) земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, будут расположены

здание, сооружение, объект незавершенного строительства, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, в собственности других граждан или юридических лиц, за исключением сооружения (в том числе сооружения, строительство которого не завершено), размещение которого допускается на основании сервитута, публичного сервитута, или объекта, размещенного в соответствии с пунктом 3 статьи 39^{36} названного кодекса (подпункт 3 пункта 9 статьи 39^{29} ЗК РФ).

Из заключения кадастрового инженера следует, что приобретенный С. по договору купли-продажи в 2014 году земельный участок в соответствии с актуальными сведениями Единого государственного реестра недвижимости имеет площадь 659 кв. м, однако фактическая его площадь составляет 757 кв. м в границе, сформированной на местности в 2007 году, и огорожен забором. Границы участка в испрашиваемом истцом размере существуют на местности более 15 лет. На момент совершения сделки по договору купли-продажи в 2014 году ранее сформированные границы участка изменению не подвергались. Предыдущим собственником земельный участок использовался в тех же границах.

Суды, соглашаясь с решением Департамента, указали, что нахождение на образуемом в результате перераспределения земельном участке строения, возведенного в отсутствие разрешительной документации, и выдача в дальнейшем уполномоченным органом предписания о его сносе являются основаниями для отказа в утверждении схемы расположения образуемого земельного участка в силу положений, предусмотренных частью 9 статьи 4^{1} Закона г. Москвы от 19 декабря 2007 г. № 48 «О землепользовании в городе Москве».

Между тем наличие на перераспределяемых земельных участках объекта недвижимого имущества, который не находится в государственной или муниципальной собственности, а также в собственности других граждан или юридических лиц, возведенного заявителем и находящегося в его пользовании, не предусмотрено законом в качестве основания для отказа в утверждении схемы расположения образуемого земельного участка и его перераспределении.

Земельный участок административного истца предназначен для индивидуального жилищного строительства, его площадь в результате перераспределения увеличится не более чем до установленных предельных максимальных размеров земельных участков данного назначения, что соответствует условию, предусмотренному подпунктом 3 пункта 1 статьи 39^{28} ЗК РФ.

Материалы дела не содержат доказательства того, что такое перераспределение приведет к возникновению препятствий для обслуживания линейного объекта (дороги) или иным образом нарушит рациональное использование территории общего пользования.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу

судебные акты и приняла новое решение, признав незаконным решение Департамента об отказе в оказании государственной услуги «Перераспределение земель и (или) земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и земельных участков, находящихся в частной собственности» в отношении земельного участка, принадлежащего заявителю.

Определение №5-КАД25-5-К2

40. При утверждении нового генерального плана и правил землепользования и застройки муниципального образования законодательство не предусматривает безусловного сохранения правового режима существующего землепользования для земельных участков, вид разрешенного использования которых не соответствует Стратегии инвестиционного развития муниципального образования.

К., являющийся собственником двух земельных участков, относящихся к категории земель – «земли населенных пунктов», с видами разрешенного использования «размещение административных зданий» и «объекты торговли», обратился в суд с административным иском о признании недействующими: решения городской думы «О генеральном плане муниципального образования» (далее − Генеральный план) в части отнесения принадлежащих ему земельных участков к функциональной зоне «зона озелененных территорий специального назначения», решения городской думы «Об утверждении Правил землепользования и застройки на территории муниципального образования» (далее − Правила землепользования и застройки) в части отнесения указанных выше земельных участков к территориальной зоне С-3 «зеленые насаждения специального назначения».

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Суд апелляционной инстанции, с выводом которого согласился суд кассационной инстанции, судебное решение отменил и принял по делу новое решение об удовлетворении требований.

Отказывая в удовлетворении административного иска, суд первой инстанции исходил из того, что оспариваемые в части Генеральный план и Правила землепользования и застройки приняты уполномоченным органом с соблюдением требований законодательства к форме нормативных правовых актов, порядку принятия и введения их в действие; содержание оспариваемых актов соответствует действующему правовому регулированию.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, с выводом которого согласился суд кассационной инстанции, указал, что приведенные административным ответчиком при принятии оспариваемых нормативных актов обоснования связаны с изложением общей концепции озеленения всего муниципального образования,

не подтверждающей необходимость установления конкретной специализированной зоны в районе земельных участков истца, что в отсутствие надлежащего подтверждения функционального назначения территории в Генеральном плане указывает на несоответствие установленного в Правилах землепользования и застройки зонирования нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решения судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, по следующим основаниям.

В соответствии с Правилами создания, охраны и содержания зеленых насаждений в городах Российской Федерации (МДС 13-5.2000), утвержденными приказом Госстроя России от 15 декабря 1999 г. № 153, выделяются несколько категорий озелененных территорий, одной их которых является категория озелененных территорий специального назначения: санитарно-защитных, водоохранных, защитно-мелиоративных зон, кладбищ, насаждений вдоль автомобильных и железных дорог, питомников. Расчет потребности в озелененных территориях данной категории производится с учетом их функционального назначения.

Зеленые насаждения специального назначения носят рекреационную нагрузку и выполняют функцию защиты от шума и выхлопных газов.

В соответствии с пунктом 9.2 Свода правил СП 276.1325800.2016 «Здания и территории. Правила проектирования защиты от шума транспортных потоков», утвержденного приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 3 декабря 2016 г. № 893/пр, при проектировании участков транспортных дорог, проходящих в непосредственной близости от жилых, общественно-деловых и рекреационных зон, требующих защиты от шума, следует предусматривать применение в первую очередь организационно-планировочных мероприятий, которые при небольших финансовых затратах могут дать заметный шумозащитный эффект. К таким мероприятиям относится в том числе сохранение существующих зеленых массивов или проектирование шумозащитных полос зеленых насаждений.

По смыслу приведенных норм создание зеленых зон, лесопарковых зон и других озелененных городских территорий осуществляется в соответствии с генеральным планом городского округа и правилами землепользования и застройки и режимом их использования. Градостроительные решения должны учитывать совокупность всех факторов (социальных, экономических, экологических) в целях устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, учета всех интересов граждан, а также публичных интересов.

Статья 23 ГрК РФ не содержит норм, предусматривающих при формировании функциональных зон требование отражать фактическое землепользование в границах указанных зон.

Из материалов дела следует, что в обоснование Генерального плана в части установления функциональной зоны «зона озелененных территорий специального назначения» положена Стратегия инвестиционного развития муниципального образования до 2030 года, утвержденная решением городской думы, в подпункте «е» пункта 5.2 которой указано на необходимость проведения работ по сохранению и воспроизводству зеленого пояса города и увеличения числа озелененных территорий в связи с их недостаточностью согласно местным нормативам градостроительного проектирования.

В данном случае необходимость отнесения территории, на которой расположен земельный участок, к зоне озелененных территорий специального назначения была обусловлена размещением объекта регионального значения – транспортной магистрали, прилегающей к земельным участкам, – и расположением в непосредственной близости территории садоводческих товариществ, требующей защиты от шума и выхлопных газов.

Таким образом, уполномоченные органы, утверждая Генеральный план, действовали в полном соответствии с установленной компетенцией и в соответствии с нормативными правовыми актами, определяющими стратегию развития муниципального образования.

Генеральный план городского округа как документ территориального планирования является обязательным для органов государственной власти, органов местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений, в том числе при разработке правил землепользования и застройки (часть 3 статьи 9, пункт 2 части 1 статьи 18 ГрК РФ). Так, при подготовке правил землепользования и застройки границы территориальных зон устанавливаются с учетом функциональных зон и параметров их планируемого развития, определенных генеральным планом городского округа (пункт 2 части 1 статьи 34 ГрК РФ).

При этом несоответствие правил землепользования и застройки муниципального образования генеральному плану является основанием для рассмотрения вопроса о приведении их в соответствие с указанным документом территориального планирования (часть 15 статьи 35 ГрК РФ). Реализация указанной нормы была осуществлена городской думой путем принятия изменений в Правила землепользования и застройки.

Таким образом, выводы суда первой инстанции о правомерном установлении территориальной зоны зеленых насаждений специального назначения соответствуют приведенным нормативным положениям.

В связи с изложенным Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решения судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение №18-КАД24-71-К4

41. Суд кассационной инстанции не наделен полномочиями устанавливать новые обстоятельства по делу и переоценивать доказательства, в том числе порядок назначения экспертизы судом апелляционной инстанции.

Г. обратилась в суд с административным иском об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости и об установлении ее в размере, равном рыночной стоимости, представив отчеты об оценке.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено частично, установлена кадастровая стоимость 27 объектов недвижимости на основании проведенной судебной экспертизы.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части удовлетворения иска об установлении кадастровой стоимости в размере, равном рыночной, в отношении 15 объектов. В указанной части принят новый судебный акт об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

В отношении 12 объектов недвижимости кадастровая стоимость, установленная решением суда первой инстанции в размере, равном рыночной, судом апелляционной инстанции изменена и установлена в соответствии с результатом повторной экспертизы от 21 августа 2023 г.

Определением кассационного суда общей юрисдикции определение суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Отменяя определение суда кассационной инстанции, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации исходила из следующего.

Частично удовлетворяя заявленные Г. требования, суд первой инстанции положил в основу заключение судебной оценочной экспертизы от 16 октября 2022 г. Суд апелляционной инстанции, посчитав, что в выводах эксперта имеются противоречия, назначил по делу повторную судебную оценочную экспертизу, которая была проведена 21 августа 2023 г.

Оценив данное заключение эксперта и его письменные пояснения, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что они выполнены в соответствии с законодательством об экспертной и оценочной деятельности, содержат все необходимые сведения доказательственного значения, влияющие на определение рыночной стоимости объектов недвижимости, и признал их доказательствами, удовлетворяющими критериям относимости, допустимости и достоверности.

Проверив законность принятых по делу судебных актов по кассационной жалобе Г., суд кассационной инстанции отменил определение суда апелляционной инстанции, согласившись с доводами, изложенными в решении суда первой инстанции. При этом суд кассационной инстанции указал, что суд апелляционной инстанции не привел мотивы, по которым не

согласился с выводами суда первой инстанции об установлении кадастровой стоимости рассматриваемых объектов недвижимости в размере, равном их рыночной стоимости, определенной по результатам судебной экспертизы от 16 октября 2022 г., назначив по делу повторную судебную экспертизу в отсутствие ходатайств лиц, участвующих в деле. Также судом кассационной инстанции отмечено, что письменные пояснения эксперта судом апелляционной инстанции немотивированно отвергнуты.

Вместе с тем, как следует из определения суда апелляционной инстанции о назначении повторной судебной оценочной экспертизы, основаниями для ее проведения послужил необоснованный отказ судебного эксперта, назначенного судом первой инстанции, от использования сравнительного и затратного подходов оценки объектов при достаточной развитости рынка коммерческой недвижимости в городе по месту нахождения оспариваемых объектов недвижимости по мотиву недостаточности количества объектов – аналогов в сегменте коммерческой недвижимости. Суд апелляционной инстанции посчитал необоснованными выводы эксперта в выборе подходов к оценке в соответствии с пунктами 22 и 24 Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО № 7)», утвержденного приказом Минэкономразвития России от 25 сентября 2014 г. № 611.

Одним из оснований для проведения повторной судебной оценочной экспертизы послужили замечания относительно отсутствия осмотра объекта в нарушение пункта 5 указанного стандарта. Названным пунктом предусмотрено, что при сборе информации об оцениваемом объекте недвижимости оценщик проводит осмотр объекта оценки в период, возможно близкий к дате оценки, если в задании на оценку не указано иное, что не было исполнено экспертом.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что экспертом не исследован рынок недвижимости в указанном сегменте и в заключении не приведены данные о диапазоне рыночных цен.

Однако при рассмотрении дела суд кассационной инстанции указанные доводы суда апелляционной инстанции не принял во внимание, посчитав назначение повторной экспертизы необоснованным.

Оценка необходимости назначения по делу экспертизы относится к компетенции суда, рассматривающего административное дело, который вправе для разрешения вопросов, требующих специальных познаний, назначить экспертизу при наличии достаточных к тому оснований, в том числе по собственной инициативе (часть 2 статьи 77 КАС РФ).

Полномочие суда апелляционной инстанции проверить акты суда первой инстанции независимо от доводов сторон, а также оценивать имеющиеся в административном деле доказательства, в том числе заключение эксперта, установлено статьей 308 КАС РФ и направлено на обеспечение принятия законного и обоснованного решения суда по

конкретному делу и предполагает, что несогласие суда с заключением эксперта должно быть мотивированным.

Не соглашаясь с правовой оценкой заключения эксперта от 21 августа 2023 г., изложенной в апелляционном определении, суд кассационной инстанции не учел положений части 2 статьи 77, статей 308 и 328 КАС РФ, а также того, что при рассмотрении жалобы суд кассационной инстанции должен исходить из признанных установленными фактических обстоятельств дела, проверять правильность применения и толкования норм материального и процессуального права судами, рассматривавшими административное дело. Полномочиями устанавливать новые обстоятельства по делу и переоценивать доказательства, в данном случае заключения судебных оценочных экспертиз, суд кассационной инстанции не наделен.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции, оставив в силе определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 18-КАД24-66-К4

Применение положений законодательства об административных правонарушениях

42. Непредоставление органом местного самоуправления гарантии по освоению дополнительных средств, выделяемых на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в отношении которых имеются решения суда об обязании органа местного самоуправления предоставить жилое помещение по договору найма специализированного жилого помещения, свидетельствует о наличии вины органа местного самоуправления в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 17.15 КоАП РФ.

Постановлением должностного лица административного органа, оставленным без изменения решением судьи городского суда, администрация муниципального образования (далее также − администрация) признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 17.15 КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию.

Решением судьи Верховного суда субъекта Российской Федерации, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, постановление должностного лица административного органа и решение судьи городского суда отменены, производство по делу прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

В соответствии с частью 1 статьи 17.15 КоАП РФ (цитируемые нормы

приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения администрации муниципального образования к административной ответственности) неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, установленный судебным приставом-исполнителем после вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора, влечет назначение административного наказания.

В ходе производства по делу было установлено, что на основании исполнительного листа, выданного городским судом, возбуждено исполнительное производство об обязании администрации муниципального образования предоставить С. благоустроенное жилое помещение по договору найма специализированного жилого помещения в соответствии с нормами жилищного законодательства, расположенное на территории муниципального образования.

Однако ни в срок, установленный законом для добровольного исполнения, ни в срок, установленный судебным приставом-исполнителем, требования исполнительного документа администрацией исполнены не были.

Отменяя постановление должностного лица о привлечении администрации муниципального образования к административной ответственности по части 1 статьи 17.15 КоАП РФ и решение судьи городского суда, которым это постановление оставлено без изменения, и прекращая производство по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения, судья Верховного суда субъекта Российской Федерации пришел к выводам о том, что у должника отсутствовало свободное жилье специализированного жилищного фонда, которое могло быть предоставлено С. в сроки, установленные судебным приставом-исполнителем, администрацией муниципального образования принимались необходимые меры для обеспечения исполнения решения городского суда, неисполнение этого решения произошло из-за недостаточного финансирования.

С такими выводами согласился судья кассационного суда общей юрисдикции, оставив решение судьи Верховного суда субъекта Российской Федерации без изменения.

В случае, если во время производства по делу об административном правонарушении будет установлено, что главой муниципального образования, возглавляющим местную администрацию, иным должностным лицом местного самоуправления вносилось или направлялось в соответствии с порядком и сроками составления проекта соответствующего бюджета субъекта Российской Федерации, соответствующего местного бюджета предложение о выделении бюджетных ассигнований на осуществление соответствующих полномочий органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления и при этом бюджетные ассигнования на указанные цели не выделялись, производство по делу об административном правонарушении в отношении указанных

должностных лиц подлежит прекращению. При этом по каждому делу об административном правонарушении подлежат выяснению все обстоятельства, имеющие значение для его правильного разрешения (пункт 2 части 1 и часть 4 статьи 24.5, статья 26.1 КоАП РФ) (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2024 г. № 2545-О).

В ходе производства по делу было установлено, что заместителем главы администрации муниципального образования в адреса министра строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства субъекта Российской Федерации и министра финансов субъекта Российской Федерации направлено письмо с просьбой дополнительного выделения денежных средств на приобретение жилых помещений детям-сиротам с целью исполнения решений городского суда с приложением списка детей-сирот, в отношении которых имеются решения городского суда.

В ответ министром строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства субъекта Российской Федерации и министром финансов субъекта Российской Федерации сообщено, что вопрос выделения дополнительных бюджетных ассигнований на приобретение жилых помещений детям-сиротам в целях исполнения судебных решений в соответствующем году может быть рассмотрен положительно при гарантированном полном освоении денежных средств в данном году. Также предложено направить гарантийное письмо об обеспечении 100 % кассового исполнения и предоставления жилых помещений детям-сиротам.

Письмом заместителя главы администрации муниципального образования сообщено о невозможности предоставить гарантии по освоению выделенных дополнительных средств на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот.

При таких обстоятельствах администрации муниципального образования не было отказано в выделении дополнительных бюджетных ассигнований на приобретение жилых помещений детям-сиротам в целях исполнения судебных решений в конкретном году. Данный вопрос мог быть рассмотрен положительно при гарантированном полном освоении денежных средств, однако такие гарантии администрацией предоставлены не были.

Недостаточное финансирование не являлось основанием, исключающим административную ответственность администрации в совершении вмененного административного правонарушения. Возложенная на органы местного самоуправления обязанность по обеспечению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений не ставится в зависимость от наличия или отсутствия достаточных финансовых средств либо иных условий.

Доказательства того, что администрацией муниципального

образования нарушение установленных сроков исполнения исполнительного документа допущено в связи с чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами или другими непредвиденными, непреодолимыми препятствиями, находящимися вне ее контроля, при соблюдении той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от нее в целях надлежащего исполнения обязанности, в материалах дела отсутствовали, судьей Верховного суда субъекта Российской Федерации такие доказательства не приведены.

При изложенных обстоятельствах состоявшиеся по делу судебные акты были отменены.

Постановление № 12-АД25-1-К6

43. Иностранный гражданин вправе осуществлять трудовую деятельность только в пределах того субъекта Российской Федерации, на территории которого ему выданы разрешение на работу, патент или разрешено временное проживание, вне зависимости от места нахождения работодателя или его учредителя.

Постановлением судьи городского суда, оставленным без изменения постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, гражданин Республики Таджикистан К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 18.10 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

В соответствии с частью 1 статьи 18.10 КоАП РФ осуществление иностранным гражданином трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешения на работу либо патента, если такие разрешение либо патент требуются в соответствии с федеральным законом, либо осуществление иностранным гражданином трудовой деятельности вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого данному иностранному гражданину выданы разрешение на работу, патент или разрешено временное проживание, влечет назначение административного наказания.

За аналогичное нарушение, предусмотренное названной нормой, совершенное в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге либо в Московской или Ленинградской области, административная ответственность установлена частью 2 статьи 18.10 КоАП РФ.

В силу абзаца первого пункта 16 статьи 13^3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ) (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения К. к административной ответственности) иностранный гражданин не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему выдан патент. Работодатель или заказчик работ (услуг) не вправе привлекать иностранного

гражданина к трудовой деятельности по патенту вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого данному иностранному гражданину выдан патент.

В ходе производства по делу было установлено, что гражданин Республики Таджикистан К. осуществлял трудовую деятельность в качестве подсобного рабочего на строительном объекте без получения в установленном законом порядке разрешения на работу или патента в данном субъекте Российской Федерации, предоставляющих право на осуществление трудовой деятельности.

При этом к перечню иностранных граждан, на которых в силу пункта 4 статьи 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ не распространяется требование о получении разрешения на работу или патента, гражданин Республики Таджикистан К. не относился.

Доводы защитника о том, что одним из учредителей общества – работодателя К. являлось общество с местом нахождения в городе федерального значения, в связи с чем осуществление трудовой деятельности в другом субъекте Российской Федерации при наличии у К. выданного в установленном законом порядке патента на осуществление трудовой деятельности в городе федерального значения нельзя признать административным правонарушением, признаны необоснованными.

Положениями пункта 16 статьи 13^3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ установлено, что для осуществления иностранным гражданином трудовой деятельности на территории другого субъекта Российской Федерации данный иностранный гражданин обязан обратиться за получением патента в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин намеревается осуществлять трудовую деятельность, без соблюдения срока, установленного пунктом 2 статьи 13^3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ.

Выданный К. патент предоставлял ему право на осуществление трудовой деятельности в городе федерального значения, а потому он не имел права на осуществление такой деятельности на любой иной территории, вне зависимости от места регистрации работодателя и его учредителей.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 33-АД24-9-К3

44. Административное правонарушение, выражающееся в уклонении иностранного гражданина (лица без гражданства) от исполнения наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации (часть 3 статьи 20.25 КоАП РФ),

является длящимся.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда, иностранный гражданин С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 20.25 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции постановление судьи районного суда и решение судьи областного суда изменены: отменена мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде помещения С. в центр временного содержания иностранных граждан территориального органа МВД России; в остальной части судебные акты оставлены без изменения.

Частью 3 статьи 20.25 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения С. к административной ответственности) установлена административная ответственность за уклонение иностранного гражданина или лица без гражданства от исполнения административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации.

В силу требований части 6 статьи 32.10 КоАП РФ иностранный гражданин или лицо без гражданства, которым назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации, обязаны выехать из Российской Федерации в течение пяти дней после дня вступления в силу постановления судьи о назначении соответствующего административного наказания.

В ходе производства по делу было установлено, что вступившим в законную силу 5 июля 2022 г. постановлением судьи районного суда иностранный гражданин С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 6.9 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного ареста с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации.

Между тем иностранный гражданин С. за пределы Российской Федерации не выехал, уклонившись тем самым от исполнения административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации, что было выявлено уполномоченными должностными лицами 20 марта 2023 г.

Действия С. обоснованно квалифицированы по части 3 статьи 20.25 КоАП РФ в соответствии с установленными обстоятельствами.

Приведенный в жалобе защитника довод о пропуске срока давности привлечения С. к административной ответственности признан несостоятельным.

В силу части 1 статьи 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении шестидесяти календарных дней (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, – по истечении девяноста календарных дней) со дня совершения административного правонарушения.

При длящемся административном правонарушении сроки, предусмотренные названной нормой, начинают исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения (часть 2 статьи 4.5 КоАП РФ).

В соответствии с разъяснением, содержащимся в пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», длящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей. Днем обнаружения длящегося административного правонарушения считается день, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выявило факт его совершения.

Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 20.25 КоАП РФ, выражается в уклонении иностранного гражданина или лица без гражданства от исполнения административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации, то есть состоит в длительном непрекращающемся невыполнении предусмотренной законом обязанности. Таким образом, указанное административное правонарушение является длящимся.

Постановление о назначении административного наказания С. вынесено судьей районного суда в день обнаружения административного правонарушения, следовательно, срок давности привлечения к административной ответственности, установленный в части 1 статьи 4.5 КоАП РФ для указанной категории дел, не истек.

При таких обстоятельствах оснований для отмены или изменения состоявшихся судебных актов не установлено.

Постановление № 14-АД24-13-К1

45. Противоправное действие (бездействие) не подлежит квалификации в качестве повторно совершенного однородного

административного правонарушения, если ранее за аналогичное нарушение лицо привлекалось к административной ответственности за пределами территории Российской Федерации на основании законодательства иностранного государства.

Постановлением судьи межрайонного суда, оставленным без изменения решением судьи Верховного суда субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Л. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

Частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В ходе производства по делу было установлено, что водитель Л. в нарушение требований пункта 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, управлял транспортным средством, находясь в состоянии алкогольного опьянения.

Указанные обстоятельства подтверждены собранными и исследованными доказательствами, получившими оценку с точки зрения их относимости, допустимости и достаточности по правилам статьи 26.11 КоАП РФ.

Однако при назначении Л. административного наказания судья межрайонного суда, руководствуясь статьей 4.3 КоАП РФ, признал в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность Л., повторное совершение им однородного административного правонарушения.

Вместе с тем согласно пункту 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» однородным считается правонарушение, имеющее единый родовой объект посягательства, независимо от того, установлена ли административная ответственность за совершенные правонарушения в одной или нескольких статьях КоАП РФ.

Согласно справке о ранее допущенных административных правонарушениях Л. был привлечен к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения по статье 130 Кодекса Украины об административных правонарушениях.

При таких обстоятельствах управление транспортным средством Л., находящимся в состоянии опьянения, квалифицированное судьей межрайонного суда по части 1 статьи 12.8 КоАП РФ, нельзя признать повторно совершенным однородным административным правонарушением.

С учетом изложенного состоявшиеся по делу судебные акты изменены путем исключения указания на признание в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность Л., повторного совершения им однородного административного правонарушения; срок назначенного Л. административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами сокращен.

Постановление № 128-АД24-3-К2

46. Исключен Президиумом 19 ноября 2025 г.

47. При рассмотрении жалобы на вынесенное по правилам части 3 статьи 28.6 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении в области благоустройства территории, предусмотренном законом субъекта Российской Федерации, необходимо устанавливать, что специальное техническое средство, с помощью которого зафиксирован факт совершения такого правонарушения, работало в автоматическом режиме, без участия человека.

Постановлением административной комиссии, оставленным без изменения решением судьи районного суда, решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 3.4 Кодекса субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, и подвергнут административному наказанию.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, К. выразил несогласие с указанными актами, считая их незаконными.

Статьей 3.4 Кодекса субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность за размещение транспортных средств на газоне, а также на детской или спортивной площадке.

Основанием для привлечения К. к административной ответственности, предусмотренной статьей 3.4 Кодекса субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, послужили изложенные в обжалуемых актах выводы о том, что он, являясь собственником транспортного средства, допустил размещение данного транспортного средства на газоне.

Согласно постановлению административной комиссии административное правонарушение зафиксировано с применением работающего в автоматическом режиме специального технического средства, имеющего функции фото- и киносъемки, видеозаписи.

На основании данных, полученных в результате работы названного технического средства, и сведений о собственнике транспортного средства К. привлечен к административной ответственности без составления протокола

об административном правонарушении в порядке части 3 статьи 28.6 КоАП РФ.

Судебные инстанции при рассмотрении соответствующих жалоб на постановление по делу с выводами административной комиссии согласились.

Вместе с тем выводы нижестоящих судов являются преждевременными.

Статьей 2.6^1 и частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ установлен особый порядок привлечения к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения при их фиксации техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, при котором протокол об административном правонарушении не составляется, постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия собственника (владельца) транспортного средства.

При этом под автоматическим режимом следует понимать работу соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве, осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица.

Если правонарушение в области дорожного движения было зафиксировано с помощью технических средств, которые не работали в автоматическом режиме, либо с использованием других технических средств (например, телефона, видеокамеры, видеорегистратора), то в данном случае особый порядок привлечения к административной ответственности не применяется.

Соответствующие разъяснения изложены в пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Между тем в постановлении административной комиссии не раскрыт алгоритм работы этого средства, позволяющий установить его работу в момент фиксации правонарушения в автоматическом режиме.

Доводы лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в соответствующей части нижестоящими судами при рассмотрении жалоб надлежащим образом не проверены.

В нарушение требований статей 24.1, 26.1, 26.11 КоАП РФ судьями при рассмотрении жалоб на постановление о назначении административного наказания не выяснены обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, достоверно не установлено, относится ли техническое

средство к специальным техническим средствам, работающим в автоматическом режиме, и функционировало ли оно в таком режиме (без участия человека (оператора) в момент, относящийся к событию вмененного К. противоправного деяния), что не отвечает задачам производства по делам об административных правонарушениях.

С учетом этого состоявшиеся постановления отменены, дело направлено на новое рассмотрение в районный суд.

Постановление № 29-АФ24-11-К1

48. При рассмотрении заявления (ходатайства) о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания судье необходимо учитывать, что в силу части 2 статьи 31.2 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению в полном объеме. При этом КоАП РФ не предусматривает возможности прекращения исполнения постановления по делу об административном правонарушении в части.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда, постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации, И. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию.

И. обратился к мировому судье с ходатайством о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания в связи с истечением срока исполнения.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, в удовлетворении заявления И. о прекращении постановления в части лишения права управления транспортными средствами на срок 1 год 6 месяцев отказано.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, И. выразил несогласие с судебными актами об отказе в удовлетворении заявления о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания, просил их отменить, указывая в числе иных доводов на нерассмотрение мировым судьей заявления в части прекращения исполнения постановления о назначении наказания в виде административного штрафа.

В ходе производства по делу было установлено, что постановление мирового судьи о назначении административного наказания вступило в законную силу, копии данного постановления направлены мировым судьей в уполномоченный территориальный орган МВД России – для исполнения в части наказания в виде лишения права управления транспортными

средствами, а также в территориальный орган Федеральной службы судебных приставов – для исполнения в части наказания в виде административного штрафа.

В соответствии с частью 2 статьи 31.2 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению в полном объеме с момента его вступления в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных частями 1^{3}–1^{3-3} статьи 32.3 названного кодекса.

Вопрос о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания рассматривается судьей, вынесшим постановление, в трехдневный срок со дня возникновения основания для разрешения соответствующего вопроса (часть 1 статьи 31.8 КоАП РФ).

Решение по вопросу о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания выносится в виде постановления (часть 4 статьи 31.8 КоАП РФ).

В соответствии с пунктами 4, 6 части 1 статьи 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны обстоятельства, установленные при рассмотрении дела; мотивированное решение по делу.

Однако в нарушение перечисленных норм закона мировым судьей вопрос о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания в части назначенного И. административного штрафа не разрешен, заявление о прекращении исполнения указанного постановления в связи с истечением срока исполнения постановления рассмотрено лишь в части наказания в виде лишения права управления транспортными средствами.

Допущенные мировым судьей процессуальные нарушения оставлены без внимания судьями районного и кассационного судов.

При изложенных обстоятельствах обжалованные судебные акты отменены, дело направлено мировому судье на новое рассмотрение.

Постановление № 78-АД24-24-К3

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

49. Внепроцессуальное обращение судьи с целью оказания влияния на принятие решения по конкретному делу, находящемуся в производстве другого суда, признано дисциплинарным проступком и послужило основанием досрочного прекращения полномочий судьи.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации (далее − Дисциплинарная коллегия) отказала в удовлетворении жалобы Б. на решение квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении

полномочий судьи, председателя суда за совершение дисциплинарного проступка.

В решении Дисциплинарная коллегия указала следующее.

Как видно из материалов дисциплинарного производства, к Б. как к председателю суда обратилось неустановленное лицо, действовавшее в интересах осужденного, с просьбой об оказании содействия в оставлении в силе постановления этого суда, вынесенного в отношении указанного осужденного, в связи с его апелляционным обжалованием.

В нарушение положений Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) и Кодекса судейской этики, утвержденного VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. (далее – Кодекс судейской этики), Б. не предал гласности и не довел до сведения участников судебного разбирательства информацию о поступившем к нему внепроцессуальном обращении. Впоследствии во исполнение достигнутой при непроцессуальном общении договоренности Б. обратился к председателю вышестоящего суда с целью оказания влияния на принятие решения по данному уголовному делу, находящемуся в производстве указанного суда.

Квалификационная коллегия судей правильно установила факт совершения Б. дисциплинарного проступка и верно расценила его поведение как умаляющее авторитет судебной власти, не соответствующее требованиям, предъявляемым к высокому статусу судьи.

Дисциплинарная коллегия согласилась с выводом квалификационной коллегии судей о совершении судьей дисциплинарного проступка, поскольку указанные действия Б. в совокупности и по своему характеру являются виновными, грубыми и существенно нарушающими законодательство о статусе судей в Российской Федерации, не соответствуют высокому статусу судьи, влекут причинение ущерба репутации судьи и председателя суда, умаляют авторитет судебной власти.

Примененное к Б. дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи, председателя суда является соразмерным характеру совершенного им дисциплинарного проступка.

Решение № ДК23-126

50. Непринятие судьей предусмотренных законом мер к устранению конфликта интересов при исполнении своих должностных обязанностей послужило основанием досрочного прекращения полномочий судьи.

Дисциплинарная коллегия отказала в удовлетворении жалобы Х. на решение квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка.

В решении Дисциплинарная коллегия указала следующее.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что судья Х. регулярно консультировала адвоката С., а также иных лиц

по юридическим вопросам и делам, находящимся в производстве суда. В частности, она обсуждала с адвокатом С. результат рассмотрения дела, в котором он принимал участие в качестве представителя, комментировала деятельность конкретного судьи по данному делу, употребляя при оценке судебного постановления нецензурную брань. Также судья Х., находясь в судебном заседании, негативно оценивала действия председателя суда и иных участников судопроизводства (государственного обвинителя и адвоката).

Дисциплинарная коллегия согласилась с выводами квалификационной коллегии судей о совершении судьей Х. дисциплинарного проступка, поскольку Х., достоверно зная требования, предъявляемые к поведению судьи, обязывающие ее при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и достоинство судьи, допустила непроцессуальное общение с адвокатом, оказывала юридические услуги и создала ситуацию, способствовавшую возникновению конфликта интересов.

Действий по предотвращению либо урегулированию конфликта интересов судья Х. не предпринимала.

Являясь судьей с большим стажем судебной работы, Х. не могла не знать о наличии ограничений, установленных статьей 16 Кодекса судейской этики, связанных с осуществлением судьей юридической практики, и о необходимости их соблюдения.

При этом судья Х. не отрицала факта близких и доверительных отношений с адвокатами С. и М., однако не сообщила руководству суда и судьям о данном обстоятельстве, а также о внепроцессуальных обращениях к ней указанных лиц.

Дисциплинарная коллегия в решении обратила внимание на то, что, давая в судебном заседании негативную оценку действиям федерального судьи и принятому им судебному решению, а также действиям председателя суда, адвоката и государственного обвинителя с использованием нецензурных выражений, судья Х. действовала публично. Все это свидетельствует о нарушении Х. положений Закона о статусе судей и Кодекса судейской этики, предписывающих судье во всех случаях проявлять сдержанность и корректность, в том числе и при комментировании решений своих коллег.

С учетом изложенного Дисциплинарная коллегия согласилась с выводами квалификационной коллегии судей о том, что совершенные судьей Х. действия свидетельствуют о существенном, виновном, несовместимом с высоким званием судьи нарушении требований Закона о статусе судей и Кодекса судейской этики и влекут применение мер дисциплинарной ответственности.

Решение № ДК24-68